ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 54 (2437) | Среда, 7 июля 1948 г. | Цена 40 коп.

ПРОСЛАВИТЬ ГЕРОЕВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ!

Мы уже привыкли к могучим темпам роста нашей социалистической индустрии. И все ж полезно вспоминать цифры — они чудесны. Ярко характеризуют они, в частности, индустриальное развитие братских национальных республик. Так, с 1913 по 1940 год на территории, составляющей теперь Таджикскую ССР, валовой выпуск продукции промышленности возрос в 242 раза, на территории Киргизской ССР — в 160 раз, на территории Грузинской ССР — больше чем в 25 раз. За каждой такой цифрой кроется великолепная картина под'ема творческих сил советских народов, культурного роста еще недавно отсталых национальностей.

В годы послевоенной сталинской пятилетки о каждой нашей республике можно сказать, что она — в лесах новостроек.

В Армении, под древним озером Севан, возводится первая в стране подземная гидро-электростанция. По тоннелям, проложенным отсюда, пойдет вода, которая оросит тысячи гектаров земли, что в корне преобразит экономику смежных районов. В Азербайджане сооружаются могучая Мингечаурская плотина и гидростанция, будет намного усилена энерговооруженность республики, колхозы получат миллион гектаров новых хлопковых полей. В Белоруссии вырастают два новых гиганта индустрии — автомобильный и тракторный заводы. Появление их меняет облик всей республики, ее жизни.

Наконец, еще один блистательный пример — Бурят-Монгольская АССР, 25-летие существования которой праздновалось на-днях. В этой республике построено более 300 предприятий, в числе которых крупнейший на Востоке паровозостроительный завод, ныне награжденный орденом Ленина. За четверть века валовой выпуск их продукции увеличился в 80 раз, — Бурят-Монголия превратилась в индустриально-аграрный край с широко развитой и технически оснащенной промышленностью.

Речь, таким образом, идет об огромных экономических сдвигах, преображающих лицо республик; о новых отраслях индустрии, о городах и заводах, что возникли и возникают на месте былых степей и пустынь; о могучей технике и новых профессиях, что входят в быт каждого народа, порождая новые социалистические черты в его национальном характере. Речь идет о численном и духовном росте советского рабочего класса в республиках, о его героическом созидательном труде.

Каждый день мы узнаем об изумляющих примерах этого вдохновенного труда. В каждой республике выдвигаются новые имена рабочих и инженеров, овладевших техникой и творящих чудеса созидания. Таковы знаменитые азербайджанские мастера нефти Агасаф Багиров и Ага Нейматулла, украинский врубмашинист Герасим Запорожец, узбекский кузнец Талип Шакиров, другие герои Баку и Донбасса, Севана и Мингечаура, Рустави и Фархадгэса. Сотни и тысячи рабочих-новаторов, обгоняя время, идут во главе миллионов стахановцев. В их творчестве все более стирается грань между умственным трудом и трудом физическим, глубокие теоретические познания сочетаются с производственным опытом, высокое мастерство—с неустанными поисками нового.

Находят ли отражение эти новейшие явления современности в творчестве писателей братских республик? Много ли крупных, запоминающихся произведений посвятили они важнейшей теме могучего роста социалистической индустрии, в частности — теме формирования и роста новых кадров рабочего класса, технической интеллигенции?

Известно, что в русской советской литературе в годы первых пятилеток получили большое распространение романы и повести на индустриальные темы. Этот жанр вызвала сама жизнь, — были созданы крупные произведения в прозе, посвященные широкому изображению картин труда и быта рабочего класса, раскрытию образов рабочих новой, советской формации. Такие произведения появились также в период войны и в послевоенные годы — хотя, к сожалению, в значительно меньшем количестве и пока еще с далеко недостаточным проникновением в глубину изображаемых явлений действительности.

Развитие наших братских литератур на общих принципах социалистического реализма, благотворное влияние русской советской литературы вызвали рождение этого жанра и в других литературах. За последнее время в братских республиках создан ряд произведений на индустриальные темы.

Заслуженно привлекли к себе внимание повести азербайджанских писателей М. Гусейна «Апшерон» и М. Сулейманова «Тайна недр», посвященные трудовым послевоенным будням бакинских нефтяников. Очень актуальна по теме повесть молодого белорусского писателя М. Последовича «Теплое дыхание» о строителях Минского автомобильного завода. Примечательным явлением казахской литературы можно считать роман С. Муканова «Сыр-Дарья», показывающий народную стройку оросительной системы в пустыне. О строителях Днепрогэса повествуют романы украинских писателей Я. Баша «Горячие чувства» и С. Скляренко «Переправа», о горняках Криворожья — повесть Д. Ткача «Племя сильных».

Однако следует со всей резкостью признать, что сделанное в этой области и по количеству и по качеству незначительно в сравнении с гигантскими масштабами индустриального развития страны.

Процессы роста социалистической промышленности, героические дела, совершаемые советским рабочим классом, имеют первостепенное значение и дают самые широкие возможности для раскрытия центральной идеи всей нашей литературы — идеи советского патриотизма. Создание художественных произведений о людях социалистической индустрии — ведущей отрасли народного хозяйства — есть необходимое условие нормального, слитного с жизнью, органического развития национальных литератур, как части общегосударственного дела.

Серьезная работа над такими произведениями поможет писателям явственней различать и улавливать непрестанно возникающие новые типические черты нашей действительности, без учета и осмысливания которых любой писатель не избежит существенных недостатков в своем произведении, как бы ни был хорош его замысел.

Так, типичнейшей чертой нашего индустриального строительства является богатое оснащение его передовой техникой. К примеру, сооружение энерго-оросительной системы в тех масштабах и теми темпами, какие описываются в романе С. Муканова «Сыр-Дарья», только и возможно при наличии именно такой техники, в совершенстве освоенной людьми. Но—при многих достоинствах этого романа—в нем, как ни странно, не раскрыта эта важнейшая сторона дела.

В результате, герои стройки оказываются лишенными той основной жизненной обстановки, в которой они взаимодействуют, в которой формируются их характеры и социалистическое сознание. Сама производственная деятельность героев не показана, поэтому и авторские реплики в романе о главной силе, движущей коллективом строителей — социалистическом соревновании, воспринимаются только как формальная дань времени.

Между тем, именно в социалистическом соревновании наиболее ярко проявляются патриотизм советских людей, их новое отношение к труду, красота и богатство их духовного мира. Соревнование, его высшая форма — стахановское движение, ставшее массовым, основаны на систематическом производственном обучении рабочих кадров, на всестороннем освоении техники, на повседневной идейно-воспитательной работе большевистской партии в массах рабочих. Этих типических черт действительности не учел автор другого произведения, повести «Теплое дыхание», М. Последович. Склонившись к ложной мысли о превосходстве практического опыта над теорией, он изобразил одного из своих героев малокультурным, «нутряным» стахановцем-самоучкой, и сущность социалистического соревнования фактически свел к рекордам одиночек. Такие стахановцы могли обратить на себя внимание только в первые годы начального, давно пройденного этапа нашего индустриального развития!

Ясно, что к разработке сложной индустриальной темы нельзя подходить с устаревшими представлениями о жизни, о характере людей. Здесь губительны инертность писателя, его нелюбознательность в отношении к новому.

Здесь мало эпизодических поездок на новостройки, мало позиции созерцания, поверхностных, туристских наблюдений «из окна вагона». Недостаточно и «умопостроений» собственной творческой фантазии, ибо они на поверку оказываются зачастую отсталыми. Работа над художественными произведениями о людях социалистической индустрии требует подлинно активного вторжения писателя в жизнь, пристального изучения и осмысливания явлений современности во всей их сложности и глубине.

Долг советских писателей — прославить героев социалистической индустрии, создать достойные произведения, посвященные великой теме нашего индустриального роста и, тем самым, добиться нового под'ема советской литературы.

БОГАТЫРСКИЙ УРОЖАЙ

Первый же день комбайновой уборки в колхозе имени Куйбышева Куйбышевского района Ростовской области принес невиданный успех: на участке звена Евдокии Федуненко с каждого из трех убранных гектаров было намолочено по 55 центнеров озимой пшеницы. По 330 пудов!

В прошлом году всю страну облетело имя алтайского колхозника Героя Социалистического Труда Ивана Ракитина, получившего на отдельных участках своего звена по 270 пудов пшеницы с гектара. Это был наивысший урожай 1947 года. И вот, только разворачивается нынешняя уборочная кампания, а ракитинский урожай уже превышен ростовскими богатырями земли.

Корреспондент «Литературной газеты» связался по телефону с Куйбышевским районом. Вот что сообщили нам о работе знатных хлеборобов.

— Вчера и сегодня комбайнер А. Стороженко продолжал убирать участок звена Е. Федуненко, занимающий площадь в 45 гектаров. Пшеница поднялась такая густая и высокая, что ему пришлось работать только на четверть хедера — даже на половине хедера комбайн не шел. Весь колхоз с интересом ждал результатов. Случайный ли это рекорд на первых трех гектарах или на всей площади вырос такой урожай?

Сегодня, когда убрано уже больше 20 гектаров, мы можем с уверенностью сказать, что успех Евдокии Федуненко не случайный рекорд. Средний урожай на всей убранной площади составил 330 пудов с гектара.

Заканчивая телефонный разговор, ростовчане сообщили, что богатырский урожай выращен всем колхозом имени Куйбышева. На многих других участках бригады Михаила Минько, в которую входит звено тов. Федуненко, в первые дни уборки собрано по 264 пуда пшеницы с гектара.

Прогрессивная Америка в борьбе с американским фашизмом

Редакция «Литературной газеты» обратилась к известному прогрессивному американскому писателю Говарду Фасту с просьбой написать статью о современной американской литературе.

В этом номере мы публикуем имеющее большой общественный интерес ответное письмо Фаста и приложенный им же текст его обращения к американскому народу.

В редакцию „Литературной газеты"

Я чрезвычайно польщен и весьма горд, что Вы попросили меня написать статью о сегодняшней американской литературе и современных условиях литературной жизни в Америке. Однако, как явствует из прилагаемого письма, у меня сейчас осталось слишком мало времени для того, чтобы сделать тщательно продуманную статью на эту тему.

Если, все же, в тюрьме мне удастся писать, я постараюсь сделать эту статью и переслать ее Вам.

С самыми лучшими пожеланиями искренно Ваш
Говард ФАСТ.

20 июня 1948 г.

Открытое письмо к американскому народу

Мои друзья — американцы!

В известном смысле, с моей стороны самонадеянно предпринять попытку обратиться к миллионам хороших людей, населяющих эту страну. Ибо уже в течение многих месяцев для меня закрыт доступ почти во все наши газеты, журналы, а также на радиостанции. Оклеветать человека и не дать ему возможности ответить и защитить себя — таков простой закон «свободной прессы» в Америке сегодняшнего дня.

Однако было бы непростительным упущением, если бы я не поднял свой голос в связи с вчерашним отказом Верховного суда Соединенных Штатов рассмотреть апелляцию Совета об'единенного комитета помощи антифашистам-эмигрантам. Сейчас не время молчать и терпеть.

Через несколько дней одиннадцать мужчин и женщин будут посажены в тюрьму. Они понесут наказание за двойное преступление. Во-первых, они — антифашисты, во-вторых, они в течение долгих лет старались лечить больных, накормить голодных, помочь искалеченным борцам за республиканскую Испанию. За это их заклеймили преступниками.

В течение двух лет мы, Совет об'единенного комитета помощи беженцам-антифашистам, подвергаемся гонениям, преследованиям и допросам; однако наши преследователи не могли пред'явить нам никаких других обвинений, кроме тех, какие я перечислил. Сотни страниц были заполнены показаниями, данными под присягой в суде, **однако не всплыло никаких других фактов, кроме тех, что я перечислил.**

Некоторые утверждают, что мы — агенты иностранной державы. Они бесстыдно лгут. Некоторые утверждают, что мы настроены антиамерикански. Я считаю их самих антиамерикански настроенными, ибо не знаю лучших американцев, чем мои товарищи — члены этого совета, более лойяльных, более преданных тем великолепным принципам, которые некогда прославили Америку.

То, что мы идем в тюрьму, не имеет большого значения. Мы предпочли быть приговоренными к заключению, но не поступиться своими принципами и принципами нашей страны перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Но причины, по которым нас посылают в тюрьму, имеют огромное, воистину трагическое значение для всех американцев. Ибо с нашим заключением в тюрьму антифашизм становится преступлением по законам нашей страны. Милосердие становится преступлением. Помогать больным и голодным становится преступлением, если политические взгляды тех, кому вы помогаете, расходятся с политическими взглядами комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Это — жгучий, ужасающий позор для Америки сегодняшнего дня! Мы не можем и не должны принять его. Мне не надо и я не собираюсь просить извинения за свою родину. Я слишком хорошо знаю и слишком сильно люблю ее. Десятки миллионов из вас читали мои книги; мне не нужно доказывать вам, что каждое мое слово было продиктовано любовью, заботой и уважением к этой стране, в которой я родился и вырос. Я не могу молчать, когда кучка негодяев пытается сделать эту страну отвратительной в глазах всего свободолюбивого человечества.

Мой голос будет услышан. Голос десяти мужественных мужчин и женщин, с которыми я разделю заключение, будет услышан. И ваш голос, друзья мои, американцы, должен быть также услышан, ибо реакция делает новый шаг к наступлению той страшной ночи, этой ужасной, нечеловеческой ночи, которая окутала многие страны и которую люди называют **фашизмом.**

НЬЮ-ЙОРК
15 июня 1948 г.

Говард ФАСТ.

Мужественный Говард Фаст

Верховный суд США отказался заслушать апелляцию писателя Говарда Фаста и десяти других руководителей Об'единенного комитета помощи антифашистам-эмигрантам. Все они приговорены к тюремному заключению и штрафу за свои прогрессивные взгляды. Инициатором судебного преследования Фаста и его товарищей по антифашистской работе была пресловутая комиссия палаты представителей США по расследованию «антиамериканской деятельности». Пойдя навстречу желаниям этой фашистской организации, верховный суд оставил в силе решение других судебных инстанций.

Возмутительный приговор, вынесенный одиннадцати американским антифашистам,—это лишь частное проявление развернувшегося ныне в США бешеного наступления империалистической реакции. Комиссия по расследованию «антиамериканской деятельности» — только одно из орудий, используемых монополистическим капиталом для «оболванивания» американцев. Цель комиссии — вести борьбу против всяких прогрессивных явлений в общественной жизни США, в частности она усиленно занята уловлением «крамолы» среди представителей американской культуры.

Американские черносотенцы хотят, в частности, бросить в тюрьму Альберта Мальца и Джона Лоусона, имена которых тесно связаны с передовой литературой США.

Приходится ли удивляться, что немилость комиссии навлекла на себя и организация, с которой связан Говард Фаст? Об'единенный комитет помощи антифашистам-эмигрантам был создан несколько лет тому назад для оказания медицинской и денежной помощи испанским республиканцам. Достаточно было Парнеллу Томасу увидеть название комитета, чтобы он обвинил членов его в... «антиамериканизме» и потребовал представления в распоряжение комиссии полных списков американцев, вносивших деньги в фонд комитета, а также имена испанцев, которым оказывалась помощь.

Нетрудно понять, для какой цели понадобились эти списки вашингтонским реакционерам. Как же поступили в создавшейся обстановке председатель комитета врач Барский, профессор Брэдли, Фаст и другие руководители организации? Предоставим слово для ответа на этот вопрос Говарду Фасту: «Зная, что выдача первого списка повлечет за собой запугивание и преследование двадцати пяти тысяч жертвователей, и полагая, что выдача второго списка повлечет за собой смерть многих доблестных испанских республиканцев, которые находятся в руках Франко, исполнительный совет Об'единенного комитета помощи антифашистам-эмигрантам отказался выдать эти списки».

Томас и его друзья решили воспользоваться этим фактом для того, чтобы обвинить одиннадцать американских антифашистов в «неуважении к конгрессу» и потребовать отправки их в тюрьму.

Реакционеры, в частности, хотят свести счеты с Говардом Фастом, как одним из виднейших представителей американской прогрессивной литературы наших дней.

Говард Фаст, которому сейчас 34 года, получил широкую известность в Америке во время войны, как автор исторических романов.

В лучших своих книгах «Последняя граница» и «Дорога свободы» Говард Фаст разоблачает вероломство и жестокость американской буржуазии.

Десяткам тысяч советских читателей уже знаком роман Фаста о горстке индейцев, которые, борясь за свободу, бросили вызов целой американской армии. Фаст рассказывает о пытках, которым подвергали индейцев, об истреблении стариков, женщин и детей. И он одновременно заставляет читателя ощутить величие народа, который не хочет сдаться на милость угнетателей. Сцены, где показано, как плохо вооруженные индейцы дают отпор крупным частям регулярных американских войск, с огромным мужеством сопротивляются всей мощи американской военной машины, вызывают гордость за человека.

Как непохожа книга Фаста всем своим духом на то, что пишут ныне упадочнические писатели Америки! Мудрено ли, что творчество Фаста уже в силу его гуманистического звучания вызывает у Парнелла Томаса и других американских фашистов истерическую нервозность.

В романе Фаста «Дорога свободы» повествуется о человеке из низов — негре Гидеоне Джексоне, который после войны Севера и Юга возглавил борьбу чернокожих и белых бедняков против южных рабовладельцев, снова вернувшихся к власти. Это своеобразное и значительное произведение. Не часто встречаются в романах американских писателей образы таких людей, как Гидеон Джексон и его сын Маркус, людей, которых нельзя запугать, волю которых к сопротивлению не сломить.

Роман «Дорога свободы» представляет новое явление в американской литературе. Тему боевого содружества белых и черных американцев, совместно сражающихся против поработителей, мог развить только человек, близкий передовым идеям нашего времени.

В то же время эта книга (как и роман «Последняя граница») — страстный обличительный документ. Фаст бичует чудовищный расовый гнет, являющийся непременным свойством американской буржуазной цивилизации на всех этапах ее развития.

Автор романа «Дорога свободы» по праву занял виднейшее место среди наиболее прогрессивных писателей современной Америки. Фаст не замыкается в кругу своих творческих интересов. Его общественная деятельность с каждым годом становится все более широкой. Фаст — горячий друг Советского Союза. Только в последние дни, например, он несколько раз публично выступал совместно с другими деятелями американской культуры с призывом улучшить американо-советские отношения. В своих многочисленных статьях на литературные темы Фаст призывает американских писателей овладевать марксистским мировоззрением, писать на наиболее актуальные темы, темы борьбы против реакции.

Талантливый писатель связан с самыми передовыми слоями американского народа. Это и вызывает против него ярость «антиамериканцев». Однако мужество, которое проявляет Фаст в борьбе с реакцией, его возрастающая общественная активность говорят о том, что американским держимордам не заглушить голос писателя, от которого простые люди Америки ждут новых ярких прогрессивных произведений.

НА НОВЫХ СКОРОСТЯХ

Как сообщил нам начальник Главного управления электрификации Министерства путей сообщения генерал-директор тяги 3-го ранга тов. И. Сальников, общая длина советских электрических дорог в 1950 году достигнет 7.360 километров.

Если в предвоенном десятилетии в СССР электрифицировалось в среднем 200 километров путей в год, то в новой пятилетке эта цифра возрастает до 1000 километров. Любопытно, что в США за последнее десятилетие электрифицировалось в среднем не более 80 километров пути в год, а в 1943 году этот процесс там приостановился совсем.

— В первую очередь, — рассказывает тов. Сальников, — в СССР электрифицируются дороги с интенсивной грузонапряженностью, проходящие по гористой местности или через районы с суровым климатом, где электровоз, особенно в зимнее время, устойчивее и надежнее паровоза. Один из важнейших об'ектов электрификации — Урало-Сибирская магистраль, протянувшаяся на 2350 километров от Новосибирска до станции Дема на западном склоне Урала. Это будет самая длинная на земном шаре электрифицированная железная дорога. И по грузонапряженности она тоже стоит на первом месте в мире. Работы по электрификации Урало-Сибирской трассы ведутся сразу на нескольких участках.

На Закавказской железной дороге первые электровозы доставили недавно эшелоны с углем из Ткибули в Кутаиси. Они совершили этот рейс втрое быстрее, чем паровозы, хотя вес угольных составов значительно увеличился. Самым крутым на этом участке является отрезок пути Ткибули — Риони протяжением в 30 километров. Интересно, что поезда здесь почти не расходуют электроэнергии. Груженые составы, идущие вниз, сами вырабатывают энергию генераторами и отдают ее в сеть в таком количестве, что ее хватает для поездов, идущих вверх порожняком.

Линии электропередачи протянуты над полотном многих железных дорог нашей страны. На Севере они доходят до Баренцова моря, на Украине связывают Криворожский рудный бассейн с шахтами Донбасса и металлургией Юга. Здесь заканчивается восстановление разрушенных немцами электрифицированных путей и строятся новые протяжением в 400 километров. Это — лишь начало электрификации Донецких дорог, которым дает энергию вновь вошедший в строй Днепрогэс.

Научная работа абхазских колхозников

Зима 1946 года на Черноморском побережье была суровой, и морозы повредили в абхазском селе Колхида молодые побеги лимонов.

Колхозники-опытники сельхозартели им. Берия К. Хочолава, А. Куция, А. Кирбашян, В. Калайджян вместе с агрономом Г. Топурия, осматривая после морозов свой цитрусовый сад, увидели на фоне пострадавших от холода растений одно лимонное дерево со здоровой яркозеленой листвой. Мороз как будто никак не повлиял на него.

Весной лимон обильно зацвел, а к осени дал высокий урожай — 300 крупных плодов. Это замечательное дерево взяли на учет в колхозной хате-лаборатории.

Заинтересовались им и специалисты Всесоюзной селекционной станции влажных субтропиков. Его зарегистрировали, как ценный маточник для размножения морозостойкого сорта.

Работа опытников в колхозной хате-лаборатории вызвала широкий интерес к селекционной работе. В селе прочитано несколько докладов о селекции, обобщается опыт лучших окулировщиков Александра Эрекосьяна, Бедроса Калайджяна и Нины Чихладзе.

— Работа колхозников-опытников села Колхида по выращиванию зимостойких сортов лимона, — заявил нашему корреспонденту начальник отдела субтропических культур Министерства сельского хозяйства СССР тов. Г. Нестеренко,—имеет большую ценность.

Мы уже организовали в субтропических районах свыше двадцати специальных хат-лабораторий, снабдили их оборудованием и пособиями. Правительство приняло решение всячески поощрять научную работу колхозников, рабочих цитрусовых совхозов и специалистов-садоводов. Тому, кто выявит дерево, которое можно будет использовать как хороший маточник, выдается премия в 1000 рублей. Дерево изучается в течение трех лет. Если подтвердятся его ценные качества морозостойкости и урожайности, выдается вторая премия в 25 тысяч рублей.

Антология грузинской поэзии

В Государственном издательстве художественной литературы под редакцией В. Гольцева и С. Чиковани выходит антология грузинской поэзии с древних времен до наших дней в переводах русских поэтов.

Антология дает представление о путях развития поэзии Грузии и включает наиболее яркие, характерные произведения. В книге четыре раздела. В первом, посвященном народной поэзии, собраны лучшие образцы грузинского фольклора, включая народные песни о Великой Отечественной войне.

Второй раздел охватывает письменную грузинскую поэзию с XII до XVIII века. Здесь помещены отрывки из поэм предшественников Руставели: Шавтели («Абдул-Мессия») и Чахрухадзе («Тамариани»). Отрывки из поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» даны в переводах П. Антокольского и Ш. Нуцубидзе. В этом же разделе—лучшие произведения Теймураза I, Гарсевана Чолокашвили, Теймураза II, Бетсики, Давида Гурамишвили и песни ашуга Саят-Нова.

В третий раздел вошли произведения грузинских поэтов-классиков XIX и начала XX века. Здесь представлены грузинские романтики: Александр Чавчавадзе, Григорий Орбелиани, Николай Бараташвили и другие. Много внимания уделено творчеству великих поэтов-демократов: Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и Важа Пшавела. Раздел завершается избранными произведениями предшественников пролетарской поэзии Грузии: Иосифа Давиташвили, Иродиона Евдошвили и Ноя Чхиквадзе.

И, наконец, в четвертом разделе — лучшие произведения советских поэтов: Галактиона Табидзе, Георгия Леонидзе, Симона Чиковани и многих других.

Книгу иллюстрировал лауреат Сталинской премии Ираклий Тоидзе.

Конкурс на лучшую художественную книгу для детей

5 июля под председательством министра просвещения РСФСР тов. А. А. Вознесенского состоялось заседание жюри конкурса на лучшую художественную книгу для детей, проводимого по постановлению Совета Министров РСФСР. Об'явленный на три года (1947—1950 гг.) конкурс призван содействовать дальнейшему развитию советской детской литературы.

Итоги конкурса подводятся ежегодно. Для премирования лучших произведений установлено на каждый год по 25 премий (5 по 40 тысяч рублей, 8 по 25 тысяч рублей и 12 по 10 тысяч рублей). Кроме того предусмотрен ряд поощрительных вознаграждений.

На первый тур конкурса за год (май 1947 г. — май 1948 г.) поступило 437 произведений. Среди участников конкурса много авторов из союзных и автономных республик, краев и областей нашей страны. Большинство из представленных произведений посвящено современным темам.

Жюри конкурса приступило к обсуждению представленных произведений.

Работа жюри по подведению итогов первого тура конкурса будет завершена в августе.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Киев.** Большой сельскохозяйственный атлас Украины составил Научно-исследовательский институт географии Киевского университета. В атласе, насчитывающем 200 карт, — подробные данные о посевных площадях, развитии животноводства и промышленности, перерабатывающей продукты сельского хозяйства республики.

◆ **Новосибирск.** Новосибирское издательство выпустило книгу героических поэм и сказок Горной Шории «Ай-Толай» в переводе сибирского поэта Александра Смердова. Ай-Толай — имя легендарного богатыря горно-шорского народа, в образе которого показан самоотверженный борец против ханского гнета и насилия.

◆ **Аральск.** Сто лет назад берега Аральского моря посетил «рядовой отдельного Оренбургского корпуса» Тарас Шевченко, принимавший в качестве художника участие в экспедиции лейтенанта Бутакова, посвященной исследованию Арала. Общественность Аральска широко отмечает 100-летие со дня прибытия великого кобзаря на Арал. На предприятиях и в учреждениях города проводятся беседы о жизни и творчестве поэта. В краеведческом музее организована выставка документов и картин, дающих представление о пребывании Тараса Шевченко на Арале.

◆ **Алма-Ата.** Состоялся первый выпуск казахского женского педагогического института. Дипломы учителей средней школы получили свыше 70 казашек.

Евгений ВОРОБЬЕВ
Специальный корреспондент «Литературной газеты»

Романтика новаторства

1.

Бьется и трепещет под порывами ветра большой красный флаг. Месяц назад древко флага привязали к доменной свече, которую монтировали на земле. И когда была поднята и установлена на самой макушке домны исполинская свеча с двумя подсвечниками, все строители увидели флаг, алый предвестник победы.

Свеча с двумя подсвечниками весит 38 тонн. Представьте себе груженый товарный вагон, поднятый в один прием на высоту пятнадцати этажей.

Укрупнять блоки монтажа, как можно больше сделать на земле заблаговременно,—вот где истоки рекордных сроков стройки. Домна восстановлена за три с половиной месяца!

Работа идет одновременно на пятнадцати горизонтах. Кислородные шланги, электрокабели, тросы переплетаются самым причудливым образом.

Вокруг стоит незатихающий грохот, но насколько он был бы оглушительнее, если бы домну сооружали по старому способу, — склепывая стальную рубашку печи! Домна № 4—первая у нас в стране и в Европе цельносварная печь. Один километр — такова протяженность двустороннего многослойного шва, которым сварены толстые стальные листы кожуха домны. Эти швы заменили собой сорок тысяч заклепок. Электросварка вытеснила труд клепальщиков, их подручных и нагревальщиков. Электросварка уменьшила вес конструкций, облегчила и ускорила их монтаж. Только четырнадцати сварщикам первого класса, имеющим специальные дипломы, была доверена сварка кожуха печи и кольцевого воздухопровода.

Сварка идет днем и ночью,—на домне, на разной высоте, сказочно мерцают лазурные звезды. В их слепящем свете не виден сварщик, но мы знаем, что в держателе у него сейчас зажат электрод, что на нем маска, одинаково напоминающая забрало рыцаря и скафандр водолаза, что брезентовая куртка его вся в рыжих подпалинах и ожогах, а рукава куртки перевязаны в запястьях, чтобы искры не обжигали рук.

Вспышки вольтовой дуги выхватывают из темноты конструкции, отбрасывают фантастические тени. Каждый раз, когда дуга затухает, на черном экране неба остается на какие-то доли секунды оранжевый венчик: это искры и брызги металла. Когда работает сразу несколько бригад сварщиков, домну непрерывно омывает этот искрящийся душ...

Здесь, на «Запорожстрое», осуществилась давняя мечта электросварщиков, мечта, зародившаяся еще в годы первой пятилетки: не склепать, а сварить целиком доменную печь. «Запорожстрой» стал собирателем драгоценного опыта многих строек. И вот уже мастера, сварившие домну № 4, собираются перекочевывать в Мариуполь. Большевистская романтика сталинских пятилеток вдохновила тысячи монтажников, наладчиков, сварщиков, электриков, огнеупорщиков. Беспокойное племя строителей домен, великих мастеров и умельцев, кочующих от одной печи к другой!

2.

Иван Александрович Румянцев, уроженец тихого волжского городка Кинешмы, работал в Ярославле, Ереване, Горловке, на Чирчике, в Дзержинске, Молотове, Кемерово, на нефтепроводе Астрахань — Саратов, в Москве, снова в Горловке и, наконец, в Запорожье.

Только на одном «Запорожстрое» Румянцев успел проложить 26 километров трубопроводов для пара, газа и воздуха. Этот скромный человек в выцветшей голубой спецовке — смелый новатор. Румянцев со своей бригадой впервые начал монтировать трубопроводы крупными блоками на земле, а затем, так сказать, «оптом», подымал их куда-нибудь под крышу теплоэлектроцентрали или ставил их вертикально вдоль стены насосной станции. «Трубки», — говорит Румянцев с ласковой фамильярностью. А эти цельнометаллические трубопроводы рассчитаны подчас на давление в сотню атмосфер.

В один из своих последних выходных дней Румянцев рано утром выехал на машине в Днепропетровск, чтобы прочесть доклад на тему «Крупноблочный монтаж трубопроводов». Около трехсот строителей прослушали этот доклад. Среди них были строители из Никополя, Кривороженья, Днепродзержинска.

На наклонном мосту, у скиповой лебедки или на доменных «антресолях», где находится засыпной аппарат печи, всегда можно найти смуглолицего и худощавого человека. Григорьев — крупнейший строитель — доменщик, лауреат Сталинской премии, руководитель Харьковского научно-исследовательского строительного института. Григорьев — из той же семьи вечных кочевников и неугомонных энтузиастов доменных строек. Он наладил сложное загрузочное хозяйство домны, от которого будет зависеть весь ее рацион.

Поскольку зашла речь о доменных «кочевниках», следует еще рассказать о людях, которые выкладывают печи огнеупорным кирпичом, — это хитрое и точное искусство.

Огнеупорщиков на стройке можно увидеть редко. Они работают в шахте печи, в кауперах, внутри газопроводов. Десятки людей одновременно действовали в шахте домны, все они обтесывали маленькими кирочками кирпичи и подгоняли их один к другому. В ушах стоял неумолчный звон. То в нем слышалось цоканье копыт — будто гарцует по булыжной мостовой эскадрон, то чудился шум кузницы — неутомимо бьют по наковальням десятки кузнецов.

Прораб Василий Павлович Бухарев достает щуп толщиной в полмиллиметра, сует его между кирпичами, но щуп не входит в шов. Значит, кладка хороша, чугун ее не раз'ест.

— Какую домну вы кладете в своей жизни?

— Тридцать первую.

— Сколько же вам лет, Василий Павлович?

— Тридцать пять. И полжизни — в командировках. С завода на завод, от одной домны к другой... Магнитка, Сталинск, Тагил, Запорожье...

Бригадир Бережнев, стоящий тут же рядом, кладет тринадцатую домну, мастер Рожихин — восемнадцатую. Какой исполинский труд лежит за плечами этих людей!

3.

С колошника домны открывается просторный вид на синий Днепр, перепоясанный плотиной, на город, на поселки в зеленой оправе садов, на завод «Запорожсталь», вновь поднявшийся из железного праха. Грандиозная стройка раскинулась под нами, а называют это место так буднично и скромно — «площадка», или по-украински «майданчик».

Эта площадка ежедневно потребляет триста вагонов строительных материалов— песку, щебенки, цемента, кирпича, бревен, шлака, досок, рельсов.

Давно ли завод лежал в руинах? Всего полтора года назад. Совы кричали в ржавых дебрях крыш, изуродованных страшной силой взрывов. Лисы бегали по зеленым пустырям, подломенник зарос полынью и бурьяном. И вот, словно спрыснутый чудодейственной живой водой, возвращается к жизни завод этот, красавец, работяга и герой.

Эта живая вода бьет из неиссякаемых источников — из глубин советского патриотизма.

Исполнился год, как воскресла домна № 3, уже две коксовые батареи выпекают кокс, уже три мартена варят сталь, а от прокатных станов стремительно убегает по рольгангам стальной лист. Стометровые стальные листы мчатся, догоняя друг друга, остывая и теряя в пути оранжево-желтые тона, становясь вишневыми, почти фиолетовыми. Будто какой-то волшебник красит в пути самоходные ковровые дорожки. Снова и снова мысленно воздаешь славу строителям этого прокатного цеха.

4.

По высотой, господствующей сегодня над всей этой местностью, является четвертая доменная печь. Нужно было находиться в это время на площадке, чтобы понять, каких усилий, какого подвига тысяч людей потребовала стройка.

Последнюю неделю здесь царила диктатура предпускового графика, властного и требовательного.

Управляющий «Запорожстроем» Дымшиц давно уже перекочевал из своего кабинета в тресте в маленький домик у подножья домны. Но и там управляющий бывает редко. Чаще его можно увидеть на переднем крае стройки, в бригадах. За последние дни Дымшиц, кажется, совсем отучил себя от сна и усталости, подобно главному инженеру Филиппову, подобно прорабам Морозевичу, Левину, Петренко, Татаруле, Кругликову, мастерам и бригадирам Сапачу, Киевскому, Штыволоке, Трипольскому и многим другим. Вот такой напряженной жизнью жила Магнитка, где Дымшиц строил печь № 5 в дни Сталинградской битвы, а печь № 6—во время боев на Орловско-Курской дуге.

Диспетчеры все чаще поглядывали не на листки календарей, а на циферблаты часов. Вот уже поднята наверх последняя балка, последний лист рифленого кровельного железа. Ушли на кратковременный отдых под'емные мачты, краны, деррики, транспортеры, лебедки. Стальные тросы и канаты, которые столько потрудились за эти месяцы, — каждая стальная нитка выдержала огромное напряжение, — послушно свернулись в мотки. Спрятаны теодолит и нивелир, с которыми ползал на головокружительных высотах геодезист Мишук со своим помощником реечником Башмаковым. Убраны измерительные рулетки, ватерпасы, линейки. В последний раз провел кистью маляр и спустился с пустым черным ведерком. Электросварщик вынул из держателя и по-хозяйски спрятал в карман палочку электрода — больше варить нечего.

А в доменную печь уже загрузили бревна. Они легли там настилом, призванным предохранить огнеупорный паркет печи от кокса, который обрушится сверху. Гудит вода в холодильниках. 120 автоматических приборов готовы измерять температуру домны, и на ходу вся другая контрольно-измерительная аппаратура — остроумная, всевидящая, дальнозоркая, почти сверх'естественно мудрая. Зажигаются разноцветные контрольные лампочки, трезвонят звонки, уже залиты чернила в самозаписывающие приборы пульта управления. Приборы готовы к исполнению своих канцелярских обязанностей.

И вот пришла эта гордая и величественная минута, когда отсветы доменного зарева легли на потные, подрумяненные огнем лица горновых, хлопочущих у летки, когда на литейный двор хлынул первый поток чугуна восстановленной домны № 4 «Запорожстали».

ЗАПОРОЖСТАЛЬ. Июль 1948 года.

13 институтов и 49 училищ — такова сеть художественных учебных заведений Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР. В них учатся будущие живописцы, скульпторы, графики, художники-декораторы.

В нынешнем году художественные институты оканчивают 210 квалифицированных специалистов, 67 из них прошли курс обучения в старейшем и крупнейшем из художественных вузов страны — Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Выпускники назначаются научными работниками картинных галлерей и музеев, а также преподавателями в художественных училищах. Сейчас в институте имени И. Е. Репина началась защита дипломных работ.

НА СНИМКЕ (слева направо): художник, лауреат Сталинской премии А. И. Лактионов знакомится с работами дипломантов графического факультета М. Ф. Грачева и П. И. Ванеева.

Фото Н. Янова (ТАСС).

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

«КАК БЫ ЧЕГО НЕ ВЫШЛО»

Курское областное издательство располагает солидной полиграфической базой. В магазинах и киосках разных городов можно видеть книги, изданные в Курске.

— Неплохо функционирует наше издательство! — с удовлетворением отмечают местные руководящие работники.

Однако этих восторгов совсем не разделяют местные авторы. Равнодушие курских литераторов к успехам своего издательства вполне понятно. Трудно ведь поверить, что издательство находится в Курске, а не в Москве, по соседству с Гослитиздатом или с «Советским писателем», ибо на книгах, выпущенных издательством, можно найти имена только известных московских писателей—П. Павленко, Б. Полевого, А. Суркова и других. И ни одной книги курских писателей и поэтов.

Может быть, в Курске нет авторов? Напротив, здесь живут и работают молодые писатели: В. Москаленко, Н. Истомин, Н. Белых, А. Юрченко, Е. Василевич, А. Киселев и другие. В портфеле издательства давно уже лежат их рукописи, одобренные редакционным советом и подготовленные к печати. Некоторые из них даже набраны и сверстаны. Но никто не знает, когда они увидят свет.

Участник Великой Отечественной войны, машинист паровоза Аркадий Киселев написал, например, интересные воспоминания о боевом пути бронепоезда «Борис Петрович», построенного курскими железнодорожниками в начале войны. Записки тов. Киселева много месяцев лежат в типографии в сверстанном виде. Такая же судьба постигла повесть Ф. Певнева «Зоренские дворы», посвященную возрождению сожженной немцами деревни в районе Курской дуги. Повесть отредактировал лауреат Сталинской премии писатель Виктор Авдеев. Позже она была одобрена писателем В. Овечкиным. По плану издательства эта повесть должна была выйти из печати еще год тому назад, а когда сочтут нужным выполнить этот план директор издательства тов. Тимофеев и главный редактор тов. Просеков, неизвестно.

Курский обком партии предложил издательству выпускать областной литературный альманах. После решения обкома времени прошло очень много, но альманах до сих пор не вышел.

Руководители издательства в своей работе придерживаются принципа: «А как бы чего не вышло?». «Издашь кого-нибудь из местных писателей, а после хлопот не оберешься. Вдруг в Москве обругают». Перепечатка же — дело верное, да и более выгодное для издательства.

Н. КОРНЕЕВ

КУРСК.

ПАСЫНКИ ОГИЗА

На проходившем недавно в Москве совещании работников центральных издательств, созванном Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), было отмечено, что значительная часть допущенных в издательском деле ошибок происходит от недостаточной идейно-политической и специальной подготовки издательских кадров.

Это совещание, видимо, прошло мимо внимания директора Института по подготовке и повышению квалификации издательских и полиграфических работников тов. А. Сергеева.

При институте на специальных курсах занимались 110 работников издательства и типографий Металлургиздата Министерства черной металлургии СССР. Существование этих курсов было узаконено договором с институтом, на расчетный счет которого переведены ассигнованные государством специальные средства.

Обучение подходило к концу. Было пройдено три четверти учебной программы. Но вдруг занятия прекратились. Дирекция об'яснила свои действия запрещением Огиза обучать на договорных началах работников отраслевых издательств и типографий.

Почему институт, получивший деньги за **полный** курс обучения работников Металлургиздата, с такой легкостью сорвал занятия 110 человек, не довел до конца начатого дела?

Непонятно также, почему Огиз считает пасынками работников отраслевых издательств?

Староста курсов Металлургиздата инженер Н. КОЗОРЕЗОВ

Б. БЯЛИК, Л. СИЛАНТЬЕВА

ПРЕКРАСНОЕ НАЧИНАНИЕ МАНУЙЛОВСКИХ КОЛХОЗНИКОВ

18 июня 1948 года в селе Мануйловке Козельщинского района, Полтавской области, состоялся массовый с'езд колхозников, посвященный памяти Горького. В этот день сюда приехали колхозники не только Козельщинского района, но и Решетиловского, Велико-Крынковского, Кобелякского и других, более далеких. Несколько тысяч человек с глубоким вниманием выслушали рассказы стариков-мануйловцев тт. Пазаренко и Хоруженко о их встречах с Горьким, а также выступления секретаря Полтавского обкома КП(б)У тов. Волгина, секретаря Козельщинского райкома КП(б)У тов. Гудзенко, главы делегации украинских писателей тов. Панча, представителя Института мировой литературы им. Горького и других. С особенным волнением встретили собравшиеся Екатерину Павловну Пешкову, которую хорошо помнят старые мануйловцы. Когда Мария Степановна Хоруженко троекратно провозгласила вечную память Горькому, вся площадь обнажила головы. Потом до поздней ночи продолжались выступления хоровых и драматических кружков: читались произведения Горького, исполнялись сцены из его пьес, пелись украинские песни, которые Горький так горячо любил и сам пел когда-то в этих местах.

Как известно, Горький прожил в Мануйловке лето 1897 и лето 1900 гг. Месяцы, проведенные им здесь, меньше всего напоминали дачный отдых, — недаром они оставили такой глубокий след и в памяти мануйловских крестьян, и в памяти самого писателя. Горький предпринял здесь целый ряд начинаний, проникнутых глубоким и деятельным интересом к жизни народа. Библиотека в 10.000 томов, чтение для крестьян произведений Шевченко, Чехова, Короленко и других классиков русской и украинской литературы, организация драматического кружка, — вот далеко не полный список того, что внес писатель в жизнь этого украинского села. Революционная направленность горьковской деятельности в Мануйловке очевидна. Достаточно указать, что организованный им театр, продолжавший свою работу и после его от'езда, был закрыт в 1905 году по требованию властей за явное касательство к проникшей в село «крамоле».

Из пяти мануйловских крестьян, арестованных в 1906—1907 гг. за распространение нелегальной литературы, двое — П. Дерид и Б. Лысенко были активными участниками горьковского театра, а один — Д. Папенко — постоянным слушателем горьковских чтений и бесед на берегу Псла.

Весть о смерти Горького была воспринята в Мануйловке как тяжкое личное горе. По предложению колхозников, имя Горького было присвоено мануйловскому колхозу и мануйловской школе, в селе был организован музей Горького. А когда в 1937 году отмечалась годовщина со дня смерти писателя, в Мануйловку с'ехались колхозники из других сел и даже из других районов. Этого никто специально не подготовлял: сотни колхозников захотели почтить память любимого писателя и направились 18 июня туда, где он прежде жил и где можно было услышать рассказы о нем. 18 июня 1938 года в Мануйловке собралось уже не несколько сот, а несколько тысяч колхозников. Эти с'езды становились год от года все более многолюдными. Перед войной в Мануйловке собралось свыше 12.000 человек, так что для гостей едва хватило воды в колодцах.

Война нанесла Мануйловке тяжелые удары. Немецкие оккупанты спалили все село. Сгорели школа и клуб, погибла вся основанная Горьким библиотека. Но традиция ежегодных горьковских с'ездов возродилась сразу после войны. В прошлом году в Мануйловке собралось 700 человек, в этом году — свыше 3.500. К 18 июня были восстановлены клуб и музей Горького, положено начало новой библиотеке.

Одновременно с мануйловским, такие же многолюдные с'езды произошли 18 июня в Диканьке и в некоторых других селах Украины.

Трудно переоценить значение этих фактов, свидетельствующих о массовом культурном росте колхозного крестьянства. Тысячи крестьян приезжают сейчас за 40—50 километров, чтобы поговорить о литературе, чтобы показать друг другу свою театральную самодеятельность, чтобы обменяться опытом своей культурной и творческой работы. Надо самим побывать на одном из таких колхозных с'ездов, чтобы почувствовать тот исключительный под'ем, с которым они проходят, и чтобы понять, какие огромные сдвиги произошли в духовной жизни нашей деревни.

Массовые колхозные с'езды, связанные с памятными литературными датами, а их число растет, — известны, например, ежегодные многотысячные митинги у могилы Шевченко, — принадлежат к числу ярких свидетельств реальной, зримой уже близости коммунистического «завтра». Нужно всячески содействовать распространению этой новой, возникшей по инициативе самой колхозной массы, чрезвычайно действенной формы культурной работы.

Начинание мануйловских колхозников достойно подражания.

А. ГОЛОВАНОВ

ФЕЛЬЕТОН

ЖУК-ТОЧИЛЬЩИК

Энциклопедия утверждает: точильщики относятся к семейству жуков. Точильщик (хлебный)—жук с цилиндрическим вальковатым телом ржаво-красного цвета. Личинки живут и питаются зернами, сухарями, мукой, крупой, гербариями, переплетами книг и др., прокладывая ходы.

Точильщики, о которых мы будем говорить ниже, относятся по ошибке природы не к семейству жуков, но к породе людей. Тем не менее, между теми и другими есть поразительное сходство. Они ловко прокладывают ходы и, забравшись в государственный амбар, без стыда и совести вредят хозяйству, пытаются подточить основы советской демократии.

Обратимся к фактам.

С некоторых пор судьба совершенно неожиданно стала играть злые шутки с педагогом И. Шкадаревич. До октября 1941 года он был директором средней школы № 583 Ленинского района Москвы. В мае 1941 года школа была принята аттестационной комиссией Мосгороно и получила отличную оценку. Работа директора школы неоднократно отмечалась и другими вышестоящими инстанциями. В общем жизнь советского педагога текла нормально. Может быть, она текла бы эдак и до сих пор, не сделай Шкадаревич одного рокового шага.

В конце января 1941 года директор школы в заметке под заголовком «Путешествующие школьники», опубликованной в «Правде», подверг критике своего непосредственного начальника — заведующего отделом народного образования Ленинского района т. Медиевскую.

И хотя в ту пору педагог не придал никакого значения словам Медиевской: «Вы еще вспомните меня! Я вам покажу «путешествие школьников»! — словам, какими она встретила его, зато теперь он познал их смысл.

В 1941 году Шкадаревич находился в числе тех москвичей, которым было поручено почетное дело сооружения оборонительных укреплений на дальних подступах Москвы. Затем он командовал ротой. Заслужил благодарность. Вернулся в Москву, а в октябре того же года был эвакуирован в Омск.

Через два месяца директор школы получил повестку военкомата и отправился на фронт.

Кончилась война. В апреле 1946 года вернулся домой и капитан-орденоносец Иван Шкадаревич.

Вот тут-то и началось.

Педагог, разумеется, был уверен, что в РОНО его встретят если не с радостью, то по меньшей мере тепло, по-товарищески. Наивный человек! С первых же слов своего бывшего руководителя он мог понять, что здесь старого не забывают: «Не надо было браться за перо!..»

— Работать хотите? — спросила демобилизованного офицера т. Медиевская. — Что ж, желание похвальное. Только у нас для вас пока работы нет!

— Хорошо, — решил Шкадаревич,—я подожду...

Ждал месяц, другой, третий. Прошло четыре месяца: «Ну, раз так, — решил педагог, — человек я опытный, найду работу в другом месте...»

Приняв такое решение, педагог сделал оплошность. Он упустил из виду, что живет с семьей в комнате при школе. Как только он поступил на работу в школу другого района, его сразу же попросили освободить комнату.

— Позвольте, — возмутился демобилизованный офицер, — я же по закону имел право на прежнюю работу. Четыре месяца я ждал. Готов был пойти в любую школу района...

— Мало ли, что вы готовы, — заявила ему злопамятная начальница, — зато я не вижу в этом надобности.

И началась тяжба...

Шкадаревич справедливо указывает, что даже если бы он не был четыре года в армии, то и тогда бы ему полагалась жилплощадь. Ведь он же сдал перед переездом в школу свою жилплощадь районному жилищному отделу. Тем более она ему полагается, как офицеру запаса, порвавшему связь со школой по не зависящим от него обстоятельствам.

И вот тут-то сутяжница раскрывает свои таланты. Она отлично понимает, что в лоб такого дела не возьмешь. Здесь надо **точить.** Спустя почти пять лет издается приказ, датированный задним числом. Оказывается, судя по этому приказу, Шкадаревич в октябре 1941 года покинул Москву... самостоятельно. Так и сказано: самостоятельно — не самовольно, ибо уж это было бы очень большой неправдой, а самостоятельно! Упустила из виду т. Медиевская то, что 30 октября 1941 года она же издала приказ № 444, на основании которого в трудовой книжке директора школы черным по белому написано: «Освободить от работы директора школы № 583 с 16 октября 1941 г. в связи с эвакуацией».

Непостижимо, но факт!

Шкадаревич не сдается. А раз так, дело передано в суд. Причем главный мотив обвинения — самостоятельно уехал в эвакуацию и порвал связь с районом в октябре 1941 года.

Шкадаревич протестует. Вместе с этим, он отлично понимает, что жить при школе, в которой не работаешь, неудобно и для школы, и для семьи. Демобилизованный офицер обращается непосредственно к зам. председателя Моссовета т. Сарычевой. Последняя дает указание жилищному управлению предоставить Шкадаревичу жилье.

Но, разумеется, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... А Медиевская не унимается. Точит и точит жизнь советского человека и его семьи, таскает его по инстанциям, летят бумаги из учреждения в учреждение.

Была бы у Медиевской большевистская совесть, она предложила бы исполкому райсовета сделать то же, что некогда было проделано со Шкадаревичем. Ведь нынешний директор школы № 583 т. Розанова живет в доме на Полянке, подведомственном районному жилищному отделу. Пусть т. Розанова переедет в комнату Шкадаревича, а он займет ее комнату.

Но нет! Медиевская этого не желает. Ее девиз — вон «писаку» Шкадаревича!

Для нас остается лишь непонятным: как ко всему этому относятся руководители Ленинского исполкома Совета депутатов трудящихся, которые знают об этой истории? Может быть, они тоже стоят на той позиции, что Шкадаревичу не надо было браться за перо?!

М. ПРИЛЕЖАЕВА

Этому нет оправдания!

Недавно мне довелось побывать во многих деревенских школах Владимирской области.

Я ездила по деревням и селам, входила в здания школ с таким чувством, будто совершала путешествие в свою юность: я сама когда-то, в двадцатых годах, работала деревенской учительницей. Уже один вид деревянного дома под зеленой крышей в стороне от деревни волновал и радовал меня.

И вот прошло много лет. Снова я встречаюсь, беседую с деревенскими учителями, школьниками. Неузнаваемо изменилась колхозная деревня! Построены тысячи школ, выросла армия сельских учителей.

Колхозное крестьянство, партийные организации, райисполкомы и сельсоветы по-отечески заботятся о нуждах школ, всемерно помогают учителям. С тем большим возмущением видела я забытые, беспризорные школы в Воршинском сельсовете, Собинского района, Владимирской области.

Над дверью Угорской школы железная вывеска. Надпись на ней смыта дождями. Слепая, рыжая от ржавчины, она висит над школьным крыльцом. Мелочь? Да. Но меня вдруг охватило ощущение неуюта, заброшенности. И это первое впечатление оказалось правильным.

В деревне Угор зимою школа несколько недель не отапливалась, в классах замерзали чернила, учителя ютились в крохотной кухне, спали на печке. По вине председателя Воршинского сельсовета П. Чоболова 65 кубометров дров, запасенных осенью для школы, остались в лесу и были расхищены... Наконец-то в марте были привезены дрова: только что спиленные в лесу бревна. Конечно, в своей избе председатель сельсовета Чоболов не топил печь сырыми дровами! Такие дрова в Воршинском сельсовете с молчаливого одобрения райисполкома привозят только в школы и на квартиры учителей.

Председатель Собинского райисполкома И. Ф. Кулаков спокоен: ведь по отчету Воршинского сельсовета дрова в школу завезены. А, между тем, старая учительница Воршинской школы Клавдия Иванова Пушнова после уроков впрягалась в санки и на себе везла из леса хворост!

Совершенно позорный случай хамского отношения к золотому фонду нашей сельской интеллигенции — учителям! Не по отчетам надо судить о жизни школ, тов. Кулаков, а по личным впечатлениям! Почаще надо выбираться из кабинета и ездить по деревням и селам района, самому узнавать о положении школ, о жизни учителей.

Но ведь есть же в деревнях Угор, Дубровки, Ворша, где школы зимою часто были без дров, коммунисты, комсомольцы? А районный комитет партии? Кровное дело секретаря райкома т. Ширунова — растолковать, внушить всем коммунистам, колхозникам, комсомольцам, что неотопленная школа — позор для деревни, колхоза, для всего Собинского района!

Владимир Ильич Ленин говорил: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе».

Советское правительство, партия Ленина—Сталина неуклонно и последовательно заботятся о повышении материального положения учителей, о том, чтобы все силы педагогов были отданы делу коммунистического просвещения, воспитания молодого советского поколения.

Все районные работники знают об этом. Знают, но с преступным спокойствием глядят на то, как учителя Угорской и Дубровской школ, чтобы купить хлеб, вынуждены ходить за пять километров в магазин сельпо. Ходят пешком учителя Веселовские Мария Николаевна и Александр Владимирович — старые заслуженные педагоги, учительницы Дубровской школы сестры Преображенские.

Председатель сельсовета Чоболов обязан был договориться с сельпо о доставке хлеба на дом учителям дальних школ. А бывшие ученики? Где они? Ведь первые знания получили они от Марии Николаевны и Александра Владимировича! Сейчас они работают председателями колхозов, бригадирами, трактористами. Как же они могли забыть своих учителей? Нет, не только в дровах дело. До сих пор еще помнят обиду сельские учителя, — их не пригласили на торжественное заседание в сельсовете 6 ноября 1947 года.

— Ждали, что позовут, — не позвали!

Пожалуй, трудно найти где-либо, кроме Воршинского сельсовета, такой пример грубого, возмутительного отношения к труженикам народного просвещения!

А как самоотверженно трудятся на благо народа сельские учителя! Все три школы Воршинского сельсовета бесперебойно работали в годы войны.

Здание Воршинской школы занимала воинская часть. Классы размещались по избам, учителя с урока на урок переходили из избы в избу. Летом все педагоги работали на колхозных полях. Почему же никто из воршинских учителей не получил медаль «За доблестный труд»?

Я спросила об этом заместителя заведующего Владимирским облоно тов. Крюкова. Он прочел мне строгое нравоучение о неуместности вспоминать сейчас о медалях и не мог дать никаких об'яснений.

Да и что тут можно сказать. Снова мы видим бюрократический, совершенно не свойственный советским людям взгляд на учителей!

В двух километрах от станции Колокша есть мельница. Семь окрестных колхозов, в том числе и деревня Устье, электрифицированы энергией этой мельницы. На отлете стоит школа. Оставалось поставить всего лишь пять столбов, чтобы присоединить школу к электросети деревни. Пять столбов! И вот они не поставлены. Колхозные дома сияют огнями, школа темна. Кто виноват? У Устьинской школы есть шеф — сажевый завод. Дети рабочих и служащих этого завода учатся в школе. Ведь нехитрое дело — парткому завода организовать субботник, попросить рабочих провести электрический свет в школу. Почему же этого не сделано? Ответ один — равнодушие. Болен равнодушием и директор завода тов. Редков, страдают этим недугом и заводские организации.

Конечно, положение в Воршинском сельсовете не характерно для Владимирской области. Буквально за 10—15 километров от деревень Ворша, Угор, в Кадыевском сельсовете колхозники, сельские коммунисты любовно помогают учителям, заботятся о школе, о быте учителя. Там в школах светло, чисто, уютно, а зимою тепло. Так должно быть в каждом районе, в каждом сельсовете. Право же, ничего трудного в этом нет. Надо любить учителя, быть благодарным ему за его плодотворный труд.

Хорошо об этом сказал Михаил Иванович Калинин: «Надо, чтобы у крестьян было уважение к учителю, не только как к учителю, но и как к человеку. Имейте в виду, что это—политический вопрос. Это—глубоко политический вопрос».

БЛИЖЕ К ТЕМАМ ТРУДА И СОЗИДАНИЯ

Мы должны показать людей жизнерадостных, методически и упорно овладевающих техникой новых производств, строящих лучшую жизнь с глубоким чувством ответственности за свою работу перед страной. М. ГОРЬКИЙ

О ненаписанной статье

Г. ГАНИЧЕНКО,
главный инженер завода «Красный пролетарий»

Редакция «Литературной газеты» попросила меня написать статью об образе стахановца в художественной литературе. Мне понравился замысел, я взялся за книги, которые читал уже прежде, и за новые, еще не прочитанные книги. Собрался делать выписки, заметки. И, однако, книга за книгой ложилась в сторону, а лист бумаги, приготовленный для выписок, оставался нетронутым, и я начинал понимать, что статьи не будет.

Мне хотелось найти в книгах образ человека дерзкой мысли и сильной воли — новатора, в облике которого органически сочетаются творчество и мастерство; победителя, который не только сам идет вперед, от рекорда к рекорду, но и ведет за собою других. Такие люди окружают меня в жизни, на заводе.

Но в книгах такого героя я не нашел.

— Позвольте, — могут мне возразить, — Быть может, вы пропустили очерки Бориса Галина «В Донбассе», не прочитали очерк Ирины Ирошниковой «Надя Егорова и ее друзья», позабыли роман Веры Пановой «Кружилиха».

Нет, ничего этого я не позабыл.

Очерки Галина — отличные очерки. Они умно, глубоко, ярко раскрыли мне образ нового советского человека. Но в ряду этих новых людей я не увидел рабочего. Все это были командиры производства — инженеры, директоры предприятий, начальники цехов.

Ирина Ирошникова тепло и увлекательно рассказала о замечательной, видно, девушке Надежде Егоровой — мужественной, пылкой, инициативной, умеющей увлечь за собою других. Она знакомит читателя и с этими другими — с бригадой Нади. Но, во-первых, герои этой книги — явление исключительное, ибо женский труд в шахтах можно встретить очень редко. А, во-вторых, книга отлично показала истоки той сильной воли, которая во имя общего блага, во имя интересов народа и Родины привела девушек на самый трудный участок строительства, но оставила почти не раскрытым их дальнейший подвиг — то сочетание творчества и мастерства, о котором я говорил выше.

Что же до «Кружилихи», то там старый кадровый рабочий Веденеев и его дочь Марийка показаны лишь в своей личной жизни, вне заводского цеха и его интересов. А рассказ о том, как ставила свои рекорды Лида, выговорен стремительной скороговоркой и вряд ли принадлежит к числу лучших страниц романа. Лида смогла поставить рекорд лишь потому, что она оказалась обладательницей тонких и гибких пальцев. Ей не понадобилось ни малейшего умственного усилия.

Мне понравились повести о ремесленниках И. Ликстанова «Малышок» и В. Курочкина «Бригада смышленых». Но здесь сама тема такова, что герои этих книг показаны лишь в преддверии производства.

И вот, книги были дочитаны, а материала для статьи у меня так и не оказалось.

Я не нашел своего героя.

— Почему же так? — задумался я. — Ведь не может быть, чтобы никого из писателей не привлекла такая яркая, необычная и в то же время так полно обобщающая типические черты людей нашего времени личность, как замечательный мастер Николай Российский или как инициатор скоростных методов резания, ленинградский токарь Борткевич и множество других.

Мне могут заметить, что опыту мастера Российского нет еще и года, движение скоростников возникло также недавно. Трудно рассчитывать на то, чтобы за такой короткий срок могли быть написаны и даже изданы книги, претворяющие облик и дела этих людей в художественные образы.

Но мне думается, что образ нового человека в жизни и в литературе должен появляться почти одновременно. Я говорю «почти» именно потому, что убежден, что литература должна даже несколько опережать жизнь. Ведь не по готовому образу копирует своего героя писатель. Он создает его, улавливая новые черты в зародыше, анализируя первые ростки, отбирая характерное и создавая такого героя, который становится для поколения призывом и образцом. И чем больше я припоминаю примеры из классической русской и советской литературы, тем прочнее утверждаюсь я в этом своем убеждении. Рахметов и Вера Павловна из романа Чернышевского «Что делать?» не были копиями, они предвосхищали жизнь. Базаров рождал Базаровых. Так и в советской литературе Левинсон и Корчагин стали образцами, по которым лепило свои характеры целое поколение нашей молодежи.

С этой же меркой, без скидок, хотел я подойти и к нашей сегодняшней литературе и надеялся обнаружить в ней не копии, но предвосхищение образов московского мастера Российского или ленинградского токаря Борткевича, инициатора движения скоростников.

Ведь движение скоростников не свалилось с неба нежданно-негаданно. Оно подготовлено всем ходом нашей жизни, — тем огромным революционным скачком, который совершила наша промышленность до войны и в результате военного опыта, научившего нас работать по-новому. Оно подготовлено ростом культуры рабочего класса и всеми достижениями советского строительства.

Возьмем простой, рядовой факт, выражаемый обычно сухими цифрами.

До войны на нашем заводе на обработку передней бабки станка рабочий затрачивал 4 часа. Теперь он обрабатывает за смену 25 бабок.

Стоит вдуматься в эти цифры, разведать их историю, — и вы убедитесь, что за ними скрывается не только напряжение человеческой воли, но изобилующая конфликтами борьба, столкновения сильных характеров, плоды многих, долгих и трудных раздумий и озарения творчества, которые были бы невозможны, если бы не все те изменения, которые произошли в последние годы в нашей стране. Новое, рождаясь и накапливаясь, создавало прочный фундамент для каждой из тех производственных побед, с которыми мы встречаемся сегодня на любом заводе, в любом цехе.

Внимательно присматриваться к жизни, изучать людей и, обнаруживая новое, творчески продолжать, предвосхищать линию его развития, — такою представляется мне задача художника.

Правильно и даже бесспорно, что писателю необходимо много ездить, чтобы приобщаться к жизни и иметь возможность писать о ней. Но не всегда потребность приобщения к жизни можно удовлетворить лишь дальним путешествием. Ведь и наша Москва — крупнейший промышленный центр, и здесь, без долгих приготовлений, достаточно бывает лишь опуститься в метро или ступить на подножку троллейбуса, чтобы после нескольких минут пути оказаться в самом сгустке неведомой, к сожалению, для многих писателей жизни.

Я снова и снова вспоминаю тех людей, которых ежедневно вижу на нашем заводе, и думаю, как плодотворна могла бы быть для писателя встреча с ними.

Движение скоростников началось на «Красном пролетарии» с того, что к нам, по нашему приглашению, приехал тов. Борткевич. Он побывал в цехах, познакомился с рабочими, рассказал, в чем сущность его метода, и показал, как надо работать на скоростных режимах.

Все это ново по самому своему существу, и, на мой взгляд, уже в одном этом факте кроется незаурядный литературный сюжет.

Между Борткевичем и мастером старого типа, ревниво охранявшим свой «секрет» от всякого постороннего глаза, нет решительно ничего общего. Зато многое роднит Борткевича, обучающего своему методу других и ведущего за собою не цех, даже не завод, но десятки заводов и многие тысячи людей, с мастером Николаем Российским, человеком такого же истинно большевистского характера. В них обоих, — и в скольких уже других! — обнаруживаются типические черты, характеризующие рабочего нашего времени.

Мне кажется, что писателю очень важно не ограничиваться общим знакомством с жизнью завода, но, подобно тому, как живописец ищет «натуру» для портрета, искать и изучать тех людей, которые могут стать прообразами его героев.

Человек, впервые попавший в цех, слышит обычно лишь общий нестройный шум, а опытное ухо уловит, как выразительно и по-разному «разговаривает» каждый станок. Тем более важно научиться различать в общей массе людей отдельные и такие отличные друг от друга индивидуальности.

У нас на заводе три месяца провела бригада театра им. Ленинского комсомола. Они ставили пьесу, героем которой являлся токарь-стахановец. И для того, чтобы достигнуть соответствия жизненной правде, авторам пьесы и постановщикам важно было познакомиться с заводской жизнью. Но, очевидно, именно потому, что авторы уловили только «общий шум», но не сумели найти подлинную «натуру», пьеса получилась слабая, схематичная, во многом надуманная. А герои ее оказались лишенными ярких индивидуальных черт.

После бесед с Борткевичем группа стахановцев нашего завода перешла на новые, скоростные методы обработки металла. И вот здесь тоже сказалась одна из существеннейших и важнейших черт нашего времени. Изменяя привычные методы работы, наши люди не пошли по пути слепого копирования методов Борткевича. Отличные по знаниям своим, по характеру, по опыту, люди шли к решению общей задачи каждый своим путем.

Токарь Марков — представитель старого поколения рабочего класса. Он работает на заводе лет 25. Узнав его, писатель непременно подметил бы, как борются в этом человеке старое и новое и как новое постепенно, но неуклонно побеждает. Еще недавно Марков был хоть и хорошим, но неприметным тружеником. Выделиться ему мешал недостаток знаний, привычка работать по-старинке, отсутствие той живой инициативы, которая непременно отличает рабочего нового типа. Но у Маркова есть отличная рабочая смекалка. И Борткевич дал ей ход. Теперь Марков — один из лучших скоростников на заводе.

А рядом с Марковым работают люди младшего поколения, иначе сформировавшиеся. Богачев, Лопатин, Шумилин — это рабочие нового типа, люди не только физического, но и умственного труда, неуклонно повышающие свою техническую грамотность. Богачев, например, много работает над поисками геометрии резца.

Комсомолец Виктор Шумилин из первого механического цеха предложил обрабатывать одну из деталей одновременно тремя резцами. Это повысило производительность труда в два с половиною раза. Молодой, но очень способный токарь Лопатин впервые применил скоростные методы при обработке нержавеющей стали.

Все это были плоды напряженных поисков. Каждая победа доставалась ценою многих неудач, срывов, большой и трудной борьбы.

Возьмем хотя бы последний пример — творческую удачу Лопатина.

В мае мы получили заказ на изделия из нержавеющей стали. Это очень вязкая сталь, и раньше считалось, что обрабатывать ее можно только быстрорежущей сталью. Лопатин попробовал применить твердые сплавы. Его привел к этому долгий и трудный путь поисков и испытаний, в которых ему понадобилось знание и геометрии, и технологии металлов, и весь его производственный опыт, и, конечно, незаурядный ум. Станок Лопатина превратился в своеобразную лабораторию, где испытывались различной геометрии резцы и разные марки твердых сплавов.

И вот, наконец, путем опыта Лопатин установил, что чистовой проход надо делать при 400 метрах в минуту, а резьбу — при скорости 200 метров в минуту. При меньшей скорости резьба получалась рваная и резцы садились. Теперь пущенный с надлежащей скоростью станок работал так быстро, что мастер едва успевал выхватывать супорты. Но Лопатин показал себя подлинным токарем-виртуозом. Он справился и с этим.

Конечно, технология методов Лопатина и остальных названных выше рабочих — это еще не тема для писателя. Скорее это предмет исследования ученого. Но писателю необходимо знать существо дела, потому что только в этом может он обнаружить ключ к психологии людей, применяющих новые методы, к их характерам, к привычкам, к отношениям с другими людьми.

Напористость и смелость Богачева, трудолюбие и скромность Лопатина, страстная увлеченность Шумилина, превосходные организаторские способности мастера Белова — все эти качества, взятые у разных людей и собранные воедино, не только помогут писателю воссоздать образ стахановца послевоенной пятилетки, но и уйти вперед, представить себе завтрашний день нашей производственной жизни.

Вот на какие отдельные, различные и весьма характерные звучания распадается общий шум цеха, если прислушаться к нему чутким ухом.

Статью, обещанную редакции, я так и не смог написать. Однако, именно это и побудило меня высказать несколько мыслей по поводу тех жизненных явлений, которые определяют наше движение вперед, но не нашли еще своего отражения в литературе.

Разведка нового

И. АЛЕКСАНДРОВ

1. Чего не заметил писатель

...Ленинград сорок четвертого года. Перед монументальным зданием Ленэнерго, что на Марсовом поле, закинув голову, стоит инженер-строитель. Он глядит на массивную фасадную стену. Силою взрыва участок стены выгнуло, выгорбило.

Тяжелый, неприятный для восстановителя случай. Кирпичная стена — не лист бумаги; ее не разгладишь. Придется разобрать стену на кирпичи, а затем возводить ее заново. Дорогостоящий, длительный, трудоемкий способ.

А все же обидно разбирать целую стену. Обидно и оскорбительно. Ведь на счету каждый рабочий час, каждый каменщик. Инженер хмуро глядит на безобразный каменный выгиб, и его охватывает почти мускульное желание сгладить его, вмять обратно в стену. А что... если?..

Странная мысль пришла ему в голову.

А что, если наложить на выгиб металлический каркас, от каркаса протянуть внутрь здания стальные стержни и медленно втягивать выгиб домкратами?

Несколько месяцев спустя, впервые в истории мировой техники, каменная стена была выпрямлена без разборки. Так рождается новаторская идея.

Не правда ли, какой замечательный факт?

Об этом — и о многих других замечательных фактах — мы прочитали в очерке М. Ивина «Восстановление» («Звезда», № 1). Сознаемся, мы позволили себе некоторые вольности в пересказе. Но это — законный читательский домысел к той единственной строке, которую М. Ивин, не поскупившийся на технические подробности, нашел возможным уделить самому автору смелого, удивительного проекта выпрямления изувеченной взрывом стены.

Вот эта строка:

«После долгих поисков инженер предложил... выпрямить стену».

И все.

2. Мир, населенный фамилиями

Есть целая категория очерков, где на малом пространстве названы десятки людей самых различных профессий, положений, возрастов, но нет ни одной живой души. Это мир, населенный фамилиями.

М. Ивин умело и внятно излагает читателю техническую суть той или иной новаторской идеи.

Но как раз это достоинство еще резче подчеркивает, так сказать, «родовой» порок очерка «Восстановление».

Несколько умело рассказанных примеров трудовой самоотверженности. Несколько убедительно раскрытых в своем техническом содержании новаторских идей и приемов. Но все эти великолепные и умело рассказанные дела только приписаны определенным людям, а на деле совершенно обезличены.

Оторванная от своего создателя, техника предстает перед читателем не как «арена борьбы, где конкретный, живой человек преодолевает сопротивление материала» (Горький), а как диковинка и сенсация. Это в лучшем случае. А в худшем — она навевает лишь серую скуку. Ибо «техника без людей, овладевших техникой, — мертва» (И. В. Сталин).

На другом краю той же категории мы встречаем очерк Л. Крупеникова «Город будет!», посвященный сегодняшнему Севастополю («Новый мир», № 3). Здесь «родовые» пороки обнажены до предела.

«Молодой слесарь (фамилия), начав с изготовления простейших инструментов, стал конструировать новые приспособления, проявлял необычайную находчивость...»

«Плотник (фамилия) тоже принадлежал к плеяде новаторов... Он придумал приспособление... в шесть раз повысив производительность труда...»

Спрашивается: кто же «придумал приспособление»? Как придумал? В чем суть этого приспособления? И для чего упоминать его, если его нельзя тронуть рукой, оглядеть глазами и подивиться силе и остроте технического дара наших людей?

Вот таких — и подобных — «портретов» в очерке не менее двадцати. Это один из самых перенаселенных очерков, и, вместе с тем, он совершенно «безлюден».

Как ни странно, к той же категории приходится отнести и большой очерк З. Рихтер «В Кузнецкой котловине» («Октябрь», № 2). Опытный и одаренный очеркист дает на этот раз не менее разительный образец слепоты «на лица», чем Л. Крупеников.

На обширной территории Кузнецкой котловины, по которой провела нас З. Рихтер, нам не привелось повстречать ни одной живой души. О прославленной аппаратчице, депутате Верховного Совета РСФСР, сказано немало слов, но тщетно было бы искать среди них значащие слова: «В приемный день двери ее квартиры открыты для всех»; «надо видеть, как близко принимает к сердцу Анфиса Егоровна нужды своих посетителей».

Да, надо видеть. Но ничего не видно. Потому что в таких общих словах человек не отражается, а уничтожается. И читатель только угадывает, какое большое человеческое богатство пронесли мимо него под плотной пеленой мертвых слов.

3. Направление главного удара

Алексей Максимович Горький писал двадцать лет назад во вступительной статье к первому номеру нового, им самим задуманного и осуществленного журнала.

«Знание достижений в деле строительства рабоче-крестьянского государства особенно важно и поучительно, потому что оно покажет рабочим и крестьянам рост их силы, размах работы».

Журнал так и назывался — «Наши достижения». И задуман он был как журнал очерков, рассказывающих о том, как возникает и крепнет в нашей жизни победоносное новое.

Очерк, по мысли Горького, должен был стать разведкой литературы, разведкой, которая первой ступает на новые земли и первой умеет видеть и указать врага, мешающего продвижению вперед.

Ни один литературный жанр не способен с такой оперативностью запечатлевать в слове быстротекущий ход событий, как жанр очерка, который, идя по следу жизни, улавливает новые явления и процессы в самый момент их рождения и во всей их конкретности и достоверности.

Однако за первое полугодие текущего года наши толстые журналы поместили на своих страницах не более пятнадцати очерков, из которых одна треть лежит вне искусства и потому выпадает из жанра. Эти очерки держатся механическим сцеплением. При малейшем прикосновении они рассыпаются на составляющие их части и становятся тем, чем и являются на самом деле, — материалом. Материал не может стать художественным произведением, пока не попадет в руки художника. Именно авторское отношение к людям и делам пятилетки сообщает материалу теплоту и пульсацию второй, образной жизни.

Такой очерк у нас есть, и тем непростительнее невзыскательность журнальных редакций, способствующая лишь падению жанра, а не укреплению его.

4. Приметы эпохи

Очеркист приехал в северный край.

Это те земли, по которым водил когда-то своего читателя Владимир Короленко.

И вот снова слышим мы звучание северных имен. Реки — Вая, Церква, Лукерья... Но очеркист не поддался очарованию старины, не задержался в обволакивающем, шуршащем лесном безлюдье.

Он приехал в лесной и озерный край, чтобы увидеть новую жизнь, и повел нас за собою с той приподнятой, взволнованной поспешностью, которая всегда бывает у человека, уверенного в том, что он сможет показать своим спутникам много интересного.

Так ведет нас в село Урень Галина Николаева, автор очерка «Колхоз «Трактор», напечатанного в книге журнала «Знамя» (очерк печатался в «Правде»).

Мы знакомимся с людьми колхоза и сразу понимаем, что сюда и впрямь стоило торопиться.

«Когда строилась гидростанция, Бушаева мучила двойная тревога. Он боялся и за дамбу, и за колхозный бюджет. Он не мог спать по ночам.

Он скрывал свои тревоги от колхозников, но после бессонной ночи бежал к секретарю райкома Жигалову. Входил, задыхаясь и держась за сердце».

Таким мы видим председателя колхоза «Трактор», полнеющего пятидесятилетнего человека с легкой походкой, агронома, приехавшего в этот край десять лет назад и ставшего самым дорогим и уважаемым человеком в колхозе.

Вместе с колхозниками, подняв их и воодушевив, он заставил неплодородную землю давать отличные, высокие урожаи.

Вот звеньевая Клава Орлова рассказывает автору — и нам — о своем звене:

«— Ну, такие девчата подобрались — бодрые, да быстрые, да непоседливые! Что хочешь могут. И всякая работа у нас в интерес. Всё у нас весело идет. Кончаем косить и мечтаем между собой: «Ой, девчонки, скоро жать будем!» Кончаем жать — и опять у нас мечта: «Ой, девчонки, скирдовать скоро!»

И вот внезапно автор задает этой Клаве Орловой такой вопрос:

— А если бы вам пришлось работать не в колхозе, а в единоличном хозяйстве?

«Клава засмеялась.

— Да я бы не стала. Как же бы я звеньевой была? Я приучена с людьми работать. Как же в единоличном?..»

Здесь не только точно услышаны слова Клавы, не только верно поняты ее сокровенные мысли. Здесь раскрыт перед нами весь характер этой девушки, воспитанной в дружном, радостном колхозном труде и ощущающей этот труд, как потребность своего сердца.

К таким вот людям и торопилась привести нас Галина Николаева. И она познакомила нас с ними и добилась того, что они стали нам дороги, потому что мы увидели в них новые, только на нашей земле существующие, драгоценные черты.

Такие очерки, как «Колхоз «Трактор» Г. Николаевой или «Надя Егорова и её друзья» Ирины Ирошниковой («Октябрь», № 4), написаны с точным знанием и ощущением действительности.

Ирина Ирошникова рассказывает о девушках Криворожья, которые в годы войны по собственному побуждению пошли на производство, стали каменщицами. Особая ценность этого очерка в той совершенной естественности, с какой автор показывает, как рождается трудовой героизм, как зреют и складываются люди большого труда.

Более всего удался автору образ самой Нади Егоровой. Не без колебаний и сомнений идет она на производство. Каменщица! Не так-то просто укладывается эта мысль в сознании вчерашней школьницы, которая мечтала стать геологом, чтобы «путешествовать», а «раньше всё хотела быть историком, потом физиком...»

Почему же Надя Егорова и ее подруги решили стать именно каменщицами? Да потому, что строительство более всего нуждалось именно в каменщицах. И ощущение государственной потребности, как своей собственной, — это также одна из замечательных новых черт, свойственных нашему человеку и со всею ясностью раскрытых перед нами И. Ирошниковой.

И вот наступает время, когда бригада каменщиц упраздняется ввиду окончания строительных работ. Надя решает спуститься в шахту.

— Я теперь «просто так» жить не смогу, — говорит она. — Мне теперь надо, чтобы всё вокруг меня кипело...

Очерк Ирины Ирошниковой поэтически, вдохновенно показывает читателю, каких прекрасных людей растит сама почва нашей страны, весь строй нашей жизни.

Если Кузнецкая котловина, по которой провела нас Зинаида Рихтер, показалась нам безжизненной пустыней, то строительная площадка «Запорожстали», распахнутая перед нами в очерке А. Литвака «Главное направление» («Октябрь», № 12, 1947 г.), сразу согрела нас человеческим теплом, больше того — огнем подлинной человеческой страсти.

Мы и здесь, как и в очерках Г. Николаевой и И. Ирошниковой, явственно услышали взволнованный голос самого автора, которому знакомо, близко и дорого все то, что он решил рассказать нам.

Автор действительно прошел по площадке огромного строительства, как зоркий разведчик, ревниво выслеживающий черты нового в людях и явлениях.

Такие очерки, глубоко проникающие в самое существо жизненных явлений, согретые подлинной, страстной заинтересованностью автора, умело находящие истинное «направление главного удара», выполняют ту почетную задачу, которую возлагал на наших очеркистов Горький.

Взыскательность редакций, внимание к очерку, умный выбор тем и участков, на которые направляется внимание наших очеркистов, — вот что необходимо для того, чтобы перевелись у нас плохие очерки и чтобы окреп этот важнейший, необходимый и действенный литературный жанр.

С. КУЛАЧИКОВ-ЭЛЛЯЙ

Только ли Верхоянск?

Огромная территория Якутии в прошлом была пустынной, отсталой окраиной царской России. Теперь ее облик совершенно преобразился. Советские люди раскрыли богатства Черского хребта, Верхоянья, Джугджура, Заалданья. В глухой тайге и тундрах выросли заводы, новые города, рабочие поселки. Оснащенная социалистической техникой, бурно развилась золотодобывающая, рыбная, пищевая, лесная, топливная промышленность.

Земледелие здесь до революции было в зачаточном состоянии. А теперь колхозы и совхозы, вооруженные передовой советской наукой, засевают десятки тысяч гектаров. В районах вечной мерзлоты колхозники снимают стопудовые урожаи.

Столь же чудесны преобразования в области национальной культуры. Раньше якуты, угнетаемые самодержавием, баями и тойонами, были почти поголовно неграмотны. Теперь в Якутии сотни школ и культурно-просветительных учреждений, два вуза, десятки техникумов, пять театров. После революции, при братской помощи великого русского народа, у якутов была впервые создана письменность, расцвело национальное искусство.

Как же разрабатываются эти темы в молодой якутской литературе, которая сама является детищем Великой Октябрьской социалистической революции?

Якутская литература выросла под непосредственным влиянием великой русской литературы, на основе богатого устного народного творчества. Первые якутские писатели — А. Кулаковский, А. Софронов, П. Неустроев, начинавшие свою деятельность до революции, формировались под влиянием русских классиков. На опыте крупнейших русских советских писателей учились первые наши советские писатели. В повестях Э. Эристина «Волнение» и «Дети Марыкчана», в романе А. Аччыгыйа «Весенняя пора», в поэме К. Урастырова «Коммунист Семен», в драме С. Омоллона «Кузнец Кюкюр» понятным народу языком впервые рассказывалось о революции и свободе, о боевых днях гражданской войны, о социалистическом переустройстве жизни народа.

В годы Великой Отечественной войны зазвучали новые голоса молодых якутских поэтов и писателей. Т. Сметанин, Джонг Джанглы, Дм. Таас, Баал Хабырыыс, П. Туласынов, Н. Якутский и другие написали много стихов, рассказов, очерков о могуществе советской Родины, о мужестве фронтовиков, о труде якутов в тылу.

В прошлом году у нас состоялись три литературных конкурса, на которых было премировано и поощрено более 30 лучших произведений и столько же рекомендовано к печати. Среди них — четыре повести, поэмы, сборники стихов и рассказов. Якутские писатели обращаются к современной тематике, к изображению советских людей.

Для молодой якутской литературы в этом немалый успех. Однако, как, вероятно, и в других молодых литературах, — у нас за внешними успехами многое неладно.

К решению жизненно важных проблем наши писатели всерьез еще не приступали. Вот, к примеру, новая повесть Н. Якутского «Золотой ручей»; в ней говорится об открывателях алданского золота. Интересная и важная тема. Но события в повести кончаются 1923 годом, когда лишь был создан советский трест «Алданзолото». О самом главном — о работе советских мастеров добычи золота в произведении сказано мало.

Новая повесть Дм. Тааса «Огни Кирсады» посвящена строительству районной электростанции. Строительство ведут вернувшиеся с фронта демобилизованные воины. Это не менее важная и нужная тема! Однако молодой писатель не показал самый процесс строительства; слабо, схематично очертил в повести характеры героев. Судя строго, то же можно сказать и о новой поэме С. Данилова, посвященной рыбакам Ледовитого океана.

А ведь это — почти и все, что написано о послевоенном строительстве, на темы сегодняшней жизни республики! А где же обобщенное отражение огромных преобразований в экономике и культуре Якутии? Где показ трудовых подвигов строителей?

К сожалению, наши прозаики пишут об этих людях пока одни скороспелые очерки в газетах. Несколько более оперативны поэты. Но и они зачастую ограничиваются «лирическими отписками» об алданском золоте, об угле, о новостройках.

Идейно-художественный уровень произведений тоже весьма невысок. Натуралистичность, фактография, схематизм в обрисовке персонажей встречаются даже у лучших прозаиков — А. Аччыгыйа и Н. Якутского. В поэзии бытуют риторика, декларативность, внешнее описательство. Некоторые поэты (С. Васильев, М. Тимофеев-Терешкин) увлекаются стилизаторством под народное творчество — механически переносят в стихи устаревшие фольклорные образцы. Иногда они просто берут строки из старых народных песен и «приближают» их к современности тем, что вставляют слово «колхоз», либо новые имена героев. Современного человека эти поэты пытаются рисовать средствами старого эпоса, вроде: «грудь — гора», «ноги, как бревна». Такие архаические изобразительные приемы ничего общего не имеют с показом советской действительности!

Когда вдумаешься во все это, становится ясно, как мы, якутские писатели, еще отстаем от жизни, мало знаем ее. Очень часто нам мешает собственная малоподвижность.

Когда кое-кому из писателей Якутска напоминают, что нужны новые произведения на современную тему, они говорят:

— Для этого же надо ехать в Верхоянск за две тысячи километров — там новые разработки олова!..

А всего в 30 километрах от Якутска расположены крупные Кангаласские угольные копи. Там трудятся сотни углекопов, добывая топливо для заводов и новостроек. Чуть подальше — колхозы-миллионеры ближайших районов. Там живут творцы наших стопудовых урожаев.

Подобных примеров, конечно, много. Даже не обязательно ехать именно в Верхоянск, — бурная сегодняшняя жизнь кипит вокруг писателей; замечательные наши люди — рядом с ними. Надо только не запираться в кабинетах, а неустанно изучать и осмысливать явления действительности, чтобы глубоко и верно отразить их в творчестве.

На состоявшемся недавно втором с'езде писателей Якутии были затронуты эти и многие другие вопросы. Теперь от слов надо переходить к делу. Упорно и вдумчиво разрабатывая важнейшие темы современности, повседневно учась на опыте русских классиков и советских писателей, мы сможем поднять нашу молодую якутскую литературу до уровня зрелой, отвечающей сегодняшним задачам литературы.

Милосердная мадам ла Круа Руж

Алексей ЮГОВ

Летом 1859 года, в знойный, удушливый день швейцарский гражданин Анри Дюнан, вошедший в историю под безупречным и благородным именем «друга раненых», увидел залитое еще не остывшей кровью поле битвы под Сольферино (деревня в Северной Италии, при которой произошло сражение между австрийскими и франко-пьемонтскими войсками). Тысячи и тысячи сраженных воинов, брошенных на побоище, агонизировали среди трупов, лишенные даже капли воды. Все существо Дюнана было потрясено. И если в Сольферино в его лице прибыл вольный путешественник, не чуждый буржуазных забот о личном преуспевании, то уж с этих кровавых полей возвратился в Швейцарию другой Дюнан — человек, у которого не осталось никаких иных помыслов, кроме стремления защитить и спасти на поле брани тех, кто пострадает в будущих войнах.

Но уже и на полях Сольферино Анри Дюнан спас несколько тысяч раненых, призвав на помощь — как своим, так и чужим — материнское сердце окрестных женщин, об'единив их под своим руководством. Здесь, в сущности, он и основал первичную ячейку того международного человеколюбивого учреждения, которое в дальнейшем об'единило национальные общества разных стран, ставящие перед собой те же высокие цели, завоевало себе заслуженный авторитет и, в конце концов, приняло под свою защиту не только раненых, но и пленных. «Милосердие на поле брани» — «Inter Arma Caritas» стало девизом новой международной организации, а красный крест на белом поле — ее отличительным знаком.

Но, увы! — исторические бури последних лет, а также, повидимому, близость Швейцарии к двум фашистским державам привели женевский Красный Крест к выцветанию и побурению, так что временами он весьма явственно выглядел... коричневым. И если бы не было у фашистской свастики ломаных концов, то оба равноконечных креста иной раз легко можно было бы и вовсе спутать.

Вот перед нами лежит книга. На белой ее обложке четко выделяется равноконечный красный крест. 1947 год. Женева. Это как бы предварительный официальный отчет Международного Красного Креста о том, что он делал и как вел себя в годы второй мировой войны. С понятным для каждого взволнованным интересом обращаемся мы к этой книге: вот-вот перед нами раскроется трагическое повествование о том, как женевские гуманисты, преемники Дюнана, бестрепетно прикрывали своим телом жертву ражего, захлебывавшегося в крови всегерманского эсэсовца, бесстрашно и самоотверженно останавливали руку палача, на весь мир кричали ему: «Не сметь!» Из нее мы узнаем, может быть, и о том, как женевский комитет заклеймил презрением своего вице-президента Карла Бургхардта, который устраивал Гессу свидание с его английскими друзьями в самом начале войны, прикрываясь красным крестом «вечно нейтральной и внеполитической организации»...

Тщетно!.. Еле сдерживая все усиливающееся негодование и омерзение, возмущенно листаешь одну за другой страницы книги, а все попрежнему перед тобою одни и те же хвастливые реляции о миллионах «фишек» и карточек, заведенных на военнопленных регистратурой комитета, о письмах и посылочках для военных и «цивильных», да изредка какие-то блудливые экивоки насчет поголовного истребления евреев в Германии и «неблагополучия с пленными с Востока». Если бы человечество знало о недавно минувшем кошмаре фашистских лагерей только на основании этого отчета женевского комитета Красного Креста, оно могло бы всерьез принять Майданек и Освенцим, Бухенвальд и Дахау за какие-то санатории, устроенные Гиммлером для военнопленных и для гражданского населения оккупированных областей. Случались-де в этих «санаториях» и перебои с питанием, и вспышки гриппа, но появлялась, дескать, «тетушка Женева» со знаком Красного Креста на челе и на груди, делала книксен и глазки коменданту фашистского концлагеря, и тот, очарованный, давал ей полную возможность свободно и безнаказанно перекинуть через колючую проволоку пачки сигарет и связки теплых набрюшников; в итоге все оканчивалось торжеством гуманности, что и требовалось доказать.

...Книга, на которой стоит эмблема Красного Креста, дочитана до конца. Вы ошеломлены и остаетесь в тяжком раздумье. И вдруг с потрясающей явственностью, которая заставляет вас содрогнуться, вы постигаете всю ее глубочайшую **аморальность**. Речь идет о книге, представляющей собой попытку оправдаться перед совестью мира, книге, которая на деле—против ожидания ее авторов — звучит, как страшное саморазоблачение, как приговор!

Нет, никогда еще в истории международных вероломств не было такого злоупотребления эмблемой Красного Креста, какой являлась вся деятельность этой организации в период второй мировой войны, отраженная в книге, выпущенной «наследниками» Дюнана.

***

Все эти бургхардты, губеры и другие «не рассмотрели» ни Майданека (под Люблином), где расстреляно и задушено в газовых камерах 1,5 миллиона человек, ни Освенцима (под Краковом), где умерщвлено 5 миллионов человек, ни Катынского леса (под Смоленском), где немецкими фашистами были убиты тысячи польских пленных офицеров, ни Треблинки и Дахау, ни Бухенвальда и Гарделегена!..

Женевский комитет Красного Креста похваляется восемью тысячами своих обследователей, побывавших в лагерях для военнопленных и умудрившихся ни разу не произнести — хотя бы шопотом — слова осуждения по поводу всех беспримерных, чудовищных зверств.

Больше того: некоторые из руководящих работников женевского комитета Красного Креста дошли даже до того, что не постыдились в Нюрнберге выступать как «свидетели защиты» Кальтенбруннера — матерого палача и правой руки Гиммлера.

Во время войны всевозможные «обследователи» Женевского комитета своими печатными отчетами гнусно обманывали мировое общественное мнение, всячески стараясь скрыть правду о фашистских лагерях смерти. Вот один из таких стандартных «отчетов»: «Комендант лагеря покровительствует культурным развлечениям... библиотека 500—600 томов... Пленные довольны пищей и помещением». А не заметил ли досточтимый обследователь, какие **переплеты** были у книг этой лагерной библиотеки? Это не праздный вопрос! Как сообщили члены английского парламента, обследовавшие лагерь Бухенвальд, там из кожи замученных узников выделывали различные вещи (переплеты для книг, абажуры и пр.), которые коллекционировала жена коменданта.

Но, быть может, женевский комитет вовсе не знал о зверствах фашистов, творимых над военнопленными, ранеными и угнанным в рабство населением? Это исключено. Все, все знала «мадам ла Круа Руж»! (воспользуемся этим наивным именем, которое ставилось подчас на письмах, адресованных женевскому Красному Кресту, о чем с таким умиленным сюсюканием вспоминают авторы предварительного отчета-книжки: «Милосердие на поле брани»). И притом знала не только от своих обследователей.

С первых же дней войны именно наша страна возвысила свой гневный голос протеста против неслыханных фашистских злодеяний (мы имеем в виду ноты Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова от 25 ноября 1941 года и от 6 января 1942 года «всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения»). Неукоснительно выполняя все международные обычаи и конвенции о раненых, пленных и о гражданском населении, советское правительство раскрыло перед глазами всего человечества тот чудовищный факт, что «гитлеровское правительство ведет войну прежде всего с мирным и безоружным населением, с женщинами, с детьми, стариками, выявляя тем самым свою подлую разбойничью сущность».

Нет, «мадам ла Круа Руж» все знала, видела, слышала! «Она» сама признает это публично, хотя и неохотно, и должно быть проболтнувшись. Вот цитата из упомянутой нами книги-отчета, выпущенной в Женеве в 1947 году:

«Тысяча девятьсот сорок пятый год... Конец кошмара уже близок. Но тогда он становится еще ужаснее... Сам председатель комитета Красного Креста едет в **Германию...** Теперь мы знаем, что это смелое решение спасло от **массового истребления десятки тысяч заключенных** (подчеркнуто нами.—**А. Ю.**)» (стр. 79). Итак, названа страна, обозначены деяния!.. И под вопросом остается лишь само утверждение о том, как именно действовал «сам» господин председатель, посетив Германию. Итак, страшная правда просочилась все же и на страницы отчета женевского комитета. Но не являются ли глумлением над памятью замученных, кощунственной клоунадой в судебно-медицинском морге такие, например, «цветы красноречия»: «О, конечно, найдется немного бывших военнопленных, которые сказали бы, что они были счастливы в лагерях» (стр. 54). Или: «Красный Крест не должен ни осуждать, ни обвинять. Он должен только понять — это ведь тоже одна из форм милосердия» (стр. 53).

Таковы эти современные гуманисты из Женевы, которые перед лицом палача, терзающего свою жертву, не хотят ни осуждать, ни обвинять, иначе говоря, твердо решают потворствовать убийцам. Таковы эти современные милосердные христиане, которые идут в своем «благородстве» еще дальше, стремясь «понять» мотивы совершенных гитлеровцами кровавых преступлений, «понять», очевидно с единственной и даже не очень скрываемой ими целью: понять, чтобы простить!

«Престиж, — развязно разглагольствуют господа из Женевы в своей книге, — вот понятие, которое чаще вредит, чем приносит пользу». Успокойтесь, старая мадам ла Круа Руж! О каком еще подлинном престиже может итти речь после всего содеянного вами?! Если о прошлом, — вы его не щадили. Если о настоящем,—вы его безнадежно растратили.

Просунуть в «разбитое окно» концлагеря, как образно сказано в книге, пачку сигарет или теплый набрюшник и закрывать глаза на все злодеяния, какие **в этот самый момент** творятся **в том же самом концлагере, —** такова была ваша излюбленная тактика на протяжении всей второй мировой войны!

Вы утверждаете, что если за несколько минут до того, как жертву вталкивали в пасть душегубки, ваш представитель изловчался-таки просунуть ей коробку сигарет из Женевы, не позабыв предварительно дружески пожать кровавую лапу коменданту, — вы утверждаете, что в этом случае святой долг организации, претендующей на то, чтобы именоваться «совестью народов», был полностью выполнен?!

Трудно представить себе более циничное глумление над человечеством под сладенькой маской гуманизма.

ФАКТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ПРОДАЕТСЯ...

«Продается женщина: англичанка, 38 лет, брюнетка. Печень и сердце в хорошем состоянии. Недурна собой. Курит, пьет и танцует умеренно. Понимает шутки. Всю жизнь содержала сама себя, работая. Предлагает себя любому холостяку за 1500 фунтов стерлингов».

Такое об'явление появилось утром 25 июня в одной из газет, издающихся в предместье Лондона.

Об этом об'явлении сообщило агентство Франс Пресс из Лондона, утверждая, что спрос на «продающихся женщин», появившийся недавно в США, теперь наблюдается и по эту сторону океана.

КОШКИ — В ОСОБНЯКЕ, ЛЮДИ — В КУРЯТНИКЕ

Английская газета «Ивнинг стандард» сообщает о дочери некоего барона Моррисона, которая проживает в Саут Кенсингтоне, в собственном доме из 20 комнат, находящихся в «ужасной запущенности и полной антисанитарии».

В такое состояние дом привели шестьдесят два друга миссис Моррисон, из которых 37 — четвероногих и 25 — пернатых.

В том же номере той же газеты рядом с этим сообщением, помещенным под эффектным, бросающимся в глаза заголовком, напечатан, видимо, значительно менее сенсационный материал — заметка о том, что некий доктор Пайн помещается со своей многочисленной семьей в бывшем курятнике за неимением другого места жительства.

«ВИШНЕВЫЙ САД» НА АМЕРИКАНСКИЙ ЛАД

Американские дельцы позволяют себе с полной бесцеремонностью перекраивать и переделывать пьесы иностранных драматургов, нисколько не заботясь не только о соблюдении авторского замысла и художественных достоинств, но зачастую даже и здравого смысла. Так, по сообщению журнала «Харперс мэгэзин», некий театральный закройщик умудрился искромсать «Вишневый сад» Чехова таким образом, что действие происходит... на юге США. Место Фирса занял старый негр — бывший раб; трансформированный Трофимов, проливая горькие слезы над ушедшими «патриархальными днями рабства», восклицает: «Вся Америка — наш сад!».

РИФМЫ ВМЕСТО ХЛЕБА

Высшие должностные лица Японии нашли новый способ урегулирования трудовых конфликтов. Когда представители бастующих работников связи явились к министру почт и телеграфа Томиоси с требованием повысить заработную плату, он вместо ответа прочитал им... свою новую поэму.

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ

Храп в парламенте

В английском журнале «Кавалькейд» помещена статья, посвященная ораторскому искусству и важнейшим представителям этого искусства в британском парламенте.

По мнению автора статьи, ораторское искусство ныне явно деградирует в Англии. «Упадок этого искусства является характерной чертой нашего времени, — замечает журнал.—Он означает исчезновение свободного слова — этого подлинного выразителя свободной мысли».

«Раньше парламент называли камерой окуривания, — продолжает журнал, — но если в дальнейшем все останется без изменений, то он вскоре приобретет славу ночлежки. Речи Бевина превосходят по своему усыпляющему действию все снотворные средства. Во время произнесения им речи бодрствующих членов парламента можно пересчитать по пальцам».

Затем журнал дает краткий «анализ» раздающегося во время парламентских речей Бевина разноголосого храпа. Один член парламента, например, «издавал высокие носовые звуки, несовместимые с его высоким чином. Его сосед, чопорный Макмиллан, негодующе толкнул его локтем в бок. Другой политический деятель, потеряв во сне равновесие, чуть не выпал из своего места».

И. ФРАДКИН

Немецкие космополиты на американской службе

Под крылышком генерала Клея, его чиновников и офицеров активно действуют немецкие шовинисты старого пангерманского толка, ничего не забывшие и ничему не научившиеся расисты. Но откровенный фашистский национализм уживается в Бизонии и с более модной и более хитрой философией, по видимости ему противоположной, философией «космополитизма».

Прогрессивный немецкий журналист Вольфганг Харих заметил по этому поводу с горькой иронией: «Здесь мы встречаемся со своеобразным и, к сожалению, позорным, типично немецким явлением, а именно—с тем фактом, что мы, немцы, лишь тогда обращаемся к космополитизму, когда наш собственный шовинизм нам вышел боком».

Наиболее ярким примером подобного удивительного превращения шовиниста в «космополита» является немецкий писатель Эрнст Юнгер. Его имя еще с 20-х годов является в немецкой литературе синонимом крайнего шовинизма и милитаризма. Долгие годы он был духовным оракулом оставшихся не у дел профессиональных мясников—ландскнехтов, того офицерского сброда, из которого рекрутировались всяческие реакционные банды от «фрейкора» и «черного рейхсвера» вплоть до «штальгельма» и затем СА и СС.

Ныне Юнгеру усиленно покровительствуют англо-американцы. С их легкой руки он вновь стал модной фигурой немецкой идеологической реакции.

В своей послевоенной книге «Мир» Юнгер проделывает чудесное превращение из Савла в Павла. Он уже не воинствующий националист, он обращается к «молодежи Европы» с космополитической проповедью: «Старые границы должны рухнуть посредством образования новых союзов, и новые бо́льшие государства должны об'единить народы».

Каковы же те «бо́льшие государства», о которых пророчествует Юнгер? Речь идет о ликвидации суверенитета европейских стран и о создании пан-Европы. «При этой организации Европы,—пишет Юнгер, — дело заключается в том, чтобы пространству, которое прежде членилось под влиянием исторического развития, ныне придать геополитическое единство». «Геополитическое единство» (Юнгер так же мало успел очистить свой язык от фашистских терминов, как и свой мозг от фашистских идей) означает на языке Юнгера империалистический, антисоветский «западный блок».

Юнгер—наглый провокатор. Перед посещающими его журналистами он развивает идеи о «неизбежном антагонизме англосаксов и славян». Недовольный нынешним положением Германии, он сетует: «При этих условиях Европа никогда не сможет стать единой. Но что же вы хотите? Говорят, что союзники о Гитлере знают не более, чем лишь его заблуждения». Предлагая помнить не только о «заблуждениях» Гитлера, но и о его «достижениях», Юнгер откровенно подсовывает Трумэну наследство Гитлера — «новый порядок» в Европе.

Едва перешагнув катастрофу второй мировой войны, Юнгер снова вступил на свой старый путь—путь идеологической подготовки военного реванша. Он—не одинок, ему вторят на разные голоса прочие немецкие «космополиты» американской службы.

Ганс Виндиш, автор книги «Вождь и проведенные», с похвальной откровенностью рассматривает американский «космополитизм», как продолжение немецкой фашистской агрессии. Именно это сходство и делает новые идеи столь привлекательными для старого фашистского литературного пропагандиста. В своей книге он призывает немцев «не беспокоиться о тихоокеанских авиабазах и нефтяных источниках в Ираке. Пусть этим займутся другие, более деловые народы — народы господ!»

Откровеннее не скажешь! Не удалось Гитлеру — авось удастся Трумэну! После банкротства своего отечественного хозяина Виндиш ищет благосклонности у нового, заокеанского, и протягивает ему наследие гитлеризма—титул «народа господ». Виндиш не скрывает и причин, по которым он, сбросив последние фиговые листочки национального достоинства, устремился ползком на брюхе к стопам господ с Уолл-стрита: в их «космополитизме», т. е. в об'единении всех сил международной реакции, он видит «единственное средство против опасности восстания масс».

Какими же средствами рассчитывает Виндиш добиться отказа народов от их национальной независимости? Эти средства он не таит в секрете. «Западное человечество,—восклицает Виндиш,—созрело для всемирного парламента или... для атомной бомбы!»

«Жизнь или кошелек!»—кричали в старину разбойники, замахиваясь кистенем на одиноких путников. Это была лишь мелкая кустарная забава. Не то ныне. «Жизнь или национальный суверенитет!»—кричит немецкий «космополит», пикируя с американской атомной бомбой на «западное человечество». Таково последнее слово философии космополитизма или философии разбоя на большой дороге.

В настоящее время немецкие «космополиты», германские магнаты угля и стали и их политики и писатели усиленно рекламируют «план Маршалла». Но усилия этих господ не встречают сочувствия со стороны немецкого народа, который уже пережил в свое время один подобный «план» и испытал на себе его катастрофические последствия. Однажды немецкий народ уже доверился Гитлеру, который, как гаммельнский крысолов, заманивал голодных и безработных обещаниями хлеба и работы. Куда он их привел — известно.

«План Маршалла» во многом сходен с «планом Гитлера». В обоих случаях корыстные цели прикрывались обещаниями мнимо бескорыстной, чисто экономической «помощи бедствующим». В обоих случаях мы видим попытку использовать отчаяние масс, чтобы обмануть их, сделать их орудием для осуществления человеконенавистнических целей.

Немецкие космополиты пользуются братской поддержкой международной реакции. Скандальным подтверждением тому послужил фарс, не так давно разыгранный в Мюнхене. Сей фарс именовался международной конференцией молодежи и проводился он его организаторами под девизом: «Европа призывает немецкую молодежь!» «Призывающая Европа» была представлена на конференции рядом знатных иностранцев, в том числе американцами, индусами, китайцами, но русские, чехи, поляки и прочие на этот «европейский конгресс» приглашены не были.

Один из иностранных гостей заявил, что он приехал в Мюнхен, чтобы найти «истинную Германию». Европейские Диогены нашли ее... в лагере интернированных «Регенсбург». Кульминационным пунктом конгресса было посещение иностранными гостями этого лагеря, где голландский прихвостень Андре Жида — Иеф Ласт обратился с речью к интернированным эсэсовским бандитам и провозгласил «страстное утверждение непризнания немецкой вины».

Заметим себе, что этот фарс разыгрывался в Мюнхене, традиционном месте, где уже не в первый раз «европейцы» продают Европу.

Космополитизм полностью разоблачил свою сущность: циническое презрение к кровным интересам и национальной суверенности своего народа. Космополит сегодня — это тот, кто готов вымостить трупами своих соотечественников дорогу воротилам Уолл-стрита к мировому господству, кто для спасения своих классовых привилегий готов наняться на любую иностранную службу.

Н. ВАСИЛЬЕВ

ВОТЧИНА АВТОМОБИЛЬНЫХ КОРОЛЕЙ

По своему внешнему виду Детройт, вотчина автомобильных королей США, — пожалуй, наиболее бесцветный из крупных американских городов. Здесь вы встретите неизбежные небоскребы в деловой части города, но довольно мало интересных с архитектурной точки зрения зданий. Очевидно, муниципальные «отцы» Детройта были настолько поглощены неблаговидными делами, что не смогли уделить время его внешнему виду и благоустройству: недаром весьма значительная часть заправил городской администрации Детройта находится сейчас в тюрьме по обвинению во взяточничестве и других мошеннических «художествах», принявших совершенно скандальные размеры.

Детройт — центр самого черствого бизнеса, ожесточенной погони за профитом. Характер города сказывается на его физиономии. Растянувшийся на большой площади вдоль Детройт-ривер, он состоит по преимуществу из зданий, служащих для коммерческих или других сугубо деловых целей. Эти здания расположены вперемежку с заводскими строениями, складами, гаражами. В деловом центре преобладают однообразные железобетонные коробки, словно струпьями покрытые по фронтону вывесками фирм, контор и магазинов, а на боковых стенах—колоссальными рекламными надписями. Обезображивающая реклама забралась и на крыши зданий в виде металлических щитов. Днем и ночью она кричит о разнообразных делах города, но в первую очередь об основном его бизнесе — производстве автомобилей, их продаже, покупке, ремонте, покраске, промывке, заправке и так далее.

Мы осматриваем город, большей частью передвигаясь пешком. Он имеет какой-то закопченный вид. На улицах грязно и очень людно. Резкий ветер вздымает вихри черной, смешанной с сажей пыли, кружит брошенные газетные листы и еще всякую всячину.

Жилые районы Детройта — я говорю не о кварталах фешенебельных особняков и коттеджей, вынесенных на берега озера Сен-Клер, — расположены в непосредственной близости к заводам и фабрикам, рядом со складами, близ железнодорожных линий. В этих безрадостных, наводящих тоску и уныние районах, где нет ничего, что могло бы порадовать даже неприхотливый взор, и где не соблюдены элементарные условия санитарии и благоустройства, живут трудящиеся Детройта, составляющие основную массу его полуторамиллионного населения. Почти ни один город Америки так не переуплотнен, как этот. Среди его многоплеменного населения сравнительно мало «стопроцентных американцев», как именуют оголтелые американские фашисты и фашиствующие шовинисты потомков первоначальных переселенцев из Англии. Оно состоит, главным образом, из «неполноценных» в национальном отношении иммигрантов, в большинстве — поляков. Хуже всего здесь, как и везде в Америке, живется париям из парией — неграм.

Мы случайно познакомились в Детройте с одним из местных врачей. Он сам относится к числу «неполноценных» американцев и не считает нужным скрывать все неудобство такого положения.

— Не думайте, однако,—говорит он,— что всем «чистокровным», «чистопородным» американцам англо-саксонского происхождения живется намного лучше, чем «неполноценным». Если им не повезло в жизни и они не более чем простые рабочие у конвейера, то они те же парии.

Мы спрашиваем, есть ли сейчас в Детройте безработные; следует быстрый ответ:

— О, множество! После окончания войны появилась безработица, и нет никакой надежды на ее уменьшение или исчезновение. Но никто, кроме самих безработных, этим особенно не обеспокоен. А для фабрикантов это даже выгодно. Когда Форда спросили, что может промышленность сделать для оказания помощи безработным демобилизованным, он заявил: «Дело не в том, что может сделать промышленность для возвращающихся ветеранов, а в том, что ветераны могут сделать для промышленности». Вот как ставит вопрос о демобилизованных молодой Генри Форд, который носит царственно-пышный титул «Форд второй» и стоит сейчас во главе «Форд мотор компани».

Форд и другие автомобильные «короли» через своих подставных лиц фактически захватили в свои руки господство в Детройте и во всем штате Мичиган. Они имеют верных защитников своих интересов и в палате представителей, и в сенате. Наиболее видным из них является архиреакционный, известный лютой ненавистью к Советскому Союзу сенатор Ванденберг, ставший после смерти Рузвельта временным председателем сената вместо Гарри Трумэна. Автомобильные фабриканты так далеко заходят в дерзких замыслах о расширении власти своей «автомобильной империи», что задумали ввести своего представителя даже в Белый дом: вот почему Ванденберг некоторое время и фигурировал в качестве одного из республиканских кандидатов на президентский пост, пока не был оттеснен на задний план Дьюи, кандидатом Уолл-стрита.

Но, несмотря на столь далеко идущие притязания, власть автомобильных магнатов, к их великому огорчению, далеко не безгранична даже в их собственной вотчине. Им противостоят детройтские пролетарии, об'единенные в мощный профсоюз автомобильных рабочих, входящий в Конгресс производственных профсоюзов (КПП). Он насчитывает около миллиона членов. Хотя и не все лидеры этого профсоюза проводят линию последовательной защиты интересов рабочего класса, все же под напором рядовых членов союза они организуют массовые стачки, вынуждающие автомобильные фирмы итти на частичные уступки.

Мы были в Детройте как раз в момент проведения генеральной стачки на автомобильных предприятиях, в том числе и на заводах Форда. Нам хотелось поближе познакомиться с таким массовым производством, как фордовское, с его конвейерной системой. Мы хотели также посмотреть, как происходит послевоенная реконверсия в промышленности. Нам, однако, не удалось из-за стачки в полной мере осуществить эти наши намерения, что нас, разумеется, не слишком огорчило.

Странно видеть опустевшим такое огромное предприятие, как завод Форда в Дирборне. Только в некоторых цехах встречаешь людей: стачечный комитет иногда позволяет небольшому числу рабочих обслуживать агрегаты, полная остановка которых могла бы затруднить пуск завода сразу же после разрешения конфликта.

Нас больше всего интересует главный конвейер. Если отвлечься от ситуации, можно подумать, что он остановлен на обеденный перерыв или же для нашего удобства, чтобы мы могли подробно изучить весь процесс сборки. Но нет, оказывается, это сделано вовсе не для нас и отнюдь не по случаю обеденного перерыва. Уже более недели конвейер мертв на всем своем протяжении. К нему не скоро вновь станут рабочие, совершающие в течение дня сотни и тысячи раз одну и ту же несложную, но выматывающую все силы, отупляющую операцию.

За несколько дней, проведенных мною в Детройте, мне пришлось встречаться с представителями различных слоев населения, но на устах у всех была генеральная стачка, принимавшая все более острые формы. Комментарии к ней существенно отличались между собой в соответствии с социальным положением собеседника, но установить подлинное состояние дел во взбудораженной «столице автомобиля» не составляло труда. Как я потом узнал, стачка в Детройте закончилась удовлетворением ряда требований рабочих.

Детройтские предприниматели проявляют нервозность вследствие растущей несговорчивости рабочих масс, реальная зарплата которых непрерывно снижается из-за послевоенного систематического повышения цен. Боевые настроения рабочих выражаются в забастовках, принимающих затяжной и упорный характер. Реакция прибегает к любым мерам для того, чтобы ослабить профсоюз и внести смятение в ряды трудящихся. Чаще всего пускается в ход излюбленный здесь метод разжигания национальных противоречий: коренных американских рабочих натравливают на иммигрантов славянской и других национальностей. Пролетариев польской национальности особо обрабатывают при помощи католической церкви и реакционных польских организаций, старающихся вырвать поляков из-под влияния КПП. Культивируется бесшабашный антисемитизм. Всех белых рабочих сталкивают, в свою очередь, с неграми, создавая таким путем в Детройте благоприятные условия для негритянских погромов, самый жуткий из которых имел место в 1943 году.

Реакция добивается иногда некоторых успехов. Но все же у нее нет уверенности в том, что она может справиться с рабочими путем одного лишь применения испытанного принципа «разделяй и властвуй». На всякий случай она собирает отряды фашистских головорезов и от'явленных бандитов.

Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что вотчина автомобильных королей является общеамериканским центром фашистских организаций. Здесь процветают Ку-клукс-клан, «Черный легион», последователи пресловутого радиопопа Кофлина, «Христианские националисты», «партия», именующая себя «Америка прежде всего» во главе с Джералдом Смитом. Штаб-квартира этого от'явленного фашиста с большим стажем находится в Детройте. Весь фашистский сброд не имеет никакой опоры в массах. Но при усиленной материальной и организационной поддержке автомобильных магнатов он уже теперь развивает активность и ждет сигнала о переходе к более решительным действиям.

Мне самому пришлось быть свидетелем наглой выходки распоясавшихся фашистских молодчиков. Это было на митинге, устроенном детройтским филиалом Национального совета американо-советской дружбы в честь годовщины Октябрьской революции и годовщины установления отношений между США и СССР.

Во время выступления одного из ораторов с боковой баллюстрады раздались громкие выкрики и в зал полетел ворох бумажных листков (как потом выяснилось, — фашистских прокламаций). Наступило минутное замешательство. Я не сразу даже разобрал, в чем дело.

— Что они кричали? — спросил я соседей по столу.

— Они кричали председателю, что, сидя за одним столом с советским представителем, он изменяет «американизму».

Удаленные из зала дебоширы оказались молодчиками из «партии» Джералда Смита—«Америка прежде всего».

Порядок был быстро восстановлен, у входа в зал был поставлен контроль во избежание новых хулиганских выходок, и митинг продолжался.

В этом зале присутствовало всего несколько сот активных сторонников советско-американской дружбы, считавших необходимым всемерно укреплять ее. Но было ясно, что от имени широких масс детройтских трудящихся могли говорить именно они, а не фашистские провокаторы. На своем тяжелом жизненном опыте, приобретенном в вотчине автомобильных королей, детройтские пролетарии все больше и больше учатся разбираться в реакционной пропаганде поджигателей войны и отличать врагов от друзей.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации и отдел писем — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02616.